Император деревни Гадюкино

Автор:
Дарья Донцова

Император деревни Гадюкино

Дарья Донцова

Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант #27

Мне, известной сыщице Евлампии Романовой, тоже надо иногда отдыхать – так, во всяком случае, считают мои близкие. Вот они и отправили меня в модный санаторий «Вилла Белла» с тайной надеждой, что я найду там себе богатого ухажера... Шутника Макса, сразу приклеившегося ко мне словно банный лист, я всерьез не приняла, а занялась привычным делом – расследованием преступления. Я случайно услышала, как медсестра Надя обвиняет одну из постоялиц санатория, Нину Пронькину, в убийстве какого-то факира. А вскоре и одна, и другая погибают при загадочных обстоятельствах. Помогать мне вызвался горе-ухажер, который то пластиковых тараканов отдыхающим в чай подбросит, то ботинки к полу приклеит...

Дарья Донцова

Император деревни Гадюкино

Глава 1

«Если хочешь получить в подарок щенка – проси слона. Родственники определенно не пожелают держать в малогабаритной квартире многотонную тушу и начнут активно возражать. Вот тогда и нужно рыдать, приговаривая

сквозь слезы:

– Ну почему я так несчастна? По какой причине никогда не смогу осуществить главную мечту своей жизни? Многие женщины в Индии и Африке имеют личных слонов, ну чем я их хуже?

Конечно, муж или родители попытаются привести вас в чувство. Буквально слышу, как они воскликнут:

– Дорогая, померяй температуру! У тебя горячечный бред! Мы не в Дели!
В Москве обычно заводят в качестве домашнего любимца собачку, причем чем она меньше, тем лучше!

И тут наступит кульминационный момент. Вы поднимете зареванную мордашку и с тоской в голосе произнесете:

– Я здорова и прекрасно понимаю: никогда в нашей двушке не появится очаровательный, умный, трудолюбивый слон. Но ведь у меня нет даже обыкновенного терьерчика! Я абсолютно несчастна, хотя в глубине души верю: лохматый, весело лающий песик может меня утешить и сделать счастливой.

Потом нужно вытереть лицо, подойти к аптечке, накапать в рюмку валокордин, залпом выпить его и завершить сольное выступление словами:

– Ладно, пойду картошку на ужин почищу, в конце концов, я уже достаточно взрослая, чтобы понимать: жизнь женщины состоит из обязанностей, и мечтать о слоне или просто о чихуа-хуа глупо.

Особенно нервные мужья прямо сразу будут готовы помчаться за Шариком. Если же супруг никак не отреагировал, не отчаивайтесь: он все услышал и усвоил, но не хочет баловать жену. Упаси вас бог в дальнейшем каждый день твердить про слона. Напротив: ежевечерне пейте на глазах у вредного мужа валокордин и вздыхайте, вздыхайте, вздыхайте. Щенок прибудет максимум через неделю. Только не забудьте громко сообщить о породе, которую хотите завести, а то вместо умилительного крошки-шпица получите пса размером с пони, а держать такую «игрушечку» на коленях не получится».

Я отложила в сторону книгу и со стоном зевнула. Интересно, авторша только что прочитанного мною текста сама-то пыталась получить желаемое столь экзотическим способом? Воспользуешься советом такого горе-психолога и не заметишь, как очутишься в сумасшедшем доме, куда тебя привезут заботливые родственники, услышав о желании завести слоника.

Я встала со скамейки и побрела в сторону большого и очень странного здания. Центральная часть постройки напоминала стеклянный куб и была спроектирована в стиле разбушевавшегося хай-тека. Справа и слева к геометрической фигуре приделаны оштукатуренные флигели с колоннадой, пытающиеся косить под дворянскую усадьбу девятнадцатого века. Может, среднюю часть дома возводил один человек, а эти боковушки – другой? Правда, внутри очень уютно, у меня чудесный номер с балконом, ванной, холлом и спальней, где установлена огромная кровать. Вот только лучше не думать, в какую сумму обошлась Сережке и Юлечке моя поездка сюда.

Получив в подарок путевку в этот санаторий, я было заикнулась о неразумно потраченных деньгах, но Юля тут же налетела на меня:

– Когда ты в последний раз отдыхать ездила?

Я начала производить в уме расчеты.

– Можешь не загибать пальцы, – остановил меня Серега. – Сейчас подскажу: сто лет тому назад. Поэтому не спорь.

– Ты стала плохо спать, – перебила мужа Юлечка, – думаешь, никто не заметил, что ты читаешь в кровати до трех утра?

– Это из-за работы, – без особой охоты призналась я. – Кризис разбушевался, народ перестал обращаться к частным детективам, сейчас людям не до поимки неверных мужей и жен. У нас нет клиентов. Если честно, агентство разорилось. Вот.

– Отлично, – обрадовался Сережка, – на дворе август, приведешь в порядок нервы, а осенью непременно устроишься куда-нибудь еще.

– Да! – подхватила Юлечка. – Три недели размеренной жизни в Подмосковье успокоят любого человека. Не веришь? Спроси у Катюши!

Спешно вызванная на подмогу Катя, очевидно, была заранее проинструктирована сыном и невесткой, потому что моментально заявила:

– Как врач я уверена, что лучше не выезжать за пределы родной климатической зоны. Наша сердечно-сосудистая система испытывает огромный стресс, когда мы перемещаемся из Москвы, допустим, в Тунис. И уж совершенно точно не следует летать на Новый год в Дубай, этим сильно ослабишь свой иммунитет. Подмосковье – вот лучший вариант для жителя столицы.

– Тем более сейчас, – повел свою партию Сережка, – совсем недалеко есть места, ни на йоту не уступающие лучшим мировым курортам!

– Точно, – подтвердила Юлечка. – В одно из них ты и отправишься. Называется оно «Вилла Белла». Свежий воздух, лес...

Я попыталась вставить словечко:

– Вы, наверное, забыли, что мы теперь живем в Мопсине. Свежий воздух и лес у меня тут в избытке.

– Но нет ни СПА, ни лечебной грязи! – незамедлительно пошла в атаку Юлечка.

– Ну, пожалуй, грязи-то хватает, – вздохнула я, оглядывая кухню, – давно собираюсь затеять генеральную уборку.

– «Вилла Белла» специализируется на приведении в порядок психов, – затараторила молчавшая по сю пору Елизавета. – Приезжает туда сумасшедший, а возвращается тихий и пушистый!

– Там есть источник лечебной глины, – замахал руками Кирюша, – тебя намажут – и хоп! Новенькая Лампа!

– Не спорь, – категорично заявила Юлечка.

– Путевку уже купили, сдать ее нельзя, – отрезал все пути к отступлению Сережка.

– Хозяева санатория держат марку, – добавила Катюша, – постояльцы «Виллы Белла» только обеспеченные люди, среди них много холостых мужчин. Они специально туда едут, чтобы полностью расслабиться: владельцы гарантируют отсутствие среди гостей прессы и юных особ, ищущих «спонсоров» с толстыми кошельками.

Я удивилась:

– Ну меня можно отправить и в менее пафосное место – ни папарацци, ни альфонсы Евлампией Романовой не заинтересуются.

Лиза дернула меня за руку и вкрадчиво сказала:

– Для женщины главное – любовь! А ты бегаешь по кругу дом-работа-магазин-дом и совершенно не заботишься о личном счастье.

– Трудно найти кайфового кренделя в прачечной, супермаркете или в нашей школе. Старость наступит, и тогда тебе даже не о ком будет вспомнить, – высказался Кирюша.

– Отдых – вот лучший шанс закрутить роман, – захлопала в ладоши Юля.

Я с изумлением слушала домашних. Они решили от меня избавиться? Выдать госпожу Романову замуж? За что?

– Никто не говорит о свадьбе, – быстро вмешалась Катюша. – Но если тебе встретится там хороший человек, почему не провести с ним время безо всяких обязательств?

– Красивый, – добавила Лиза, – и богатый!

– Холостой, без детей, на «Порше»-кабриолете оранжевого цвета, – добавил Кирюша.

– Не пьющий, не наркоман, не бабник, не патологический ревнивец, не хам, – принялась загибать пальцы Юлечка, – интеллигентный, образованный, понимающий, чуткий, сексуальный.

Пальцы на руках у жены Сережки закончились, и она умолкла.

– Короче, простой российский парень из списка «Форбс», – подвел черту Серега. – Принцев на белом коне тебе не надо.

Я кивнула.

– Ладно, если встречу вышеописанного товарища, непременно возьму его на поводок. Но предупреждаю, что обращу внимание только на такого. Если хоть один из перечисленных пунктов будет отсутствовать, я гордо пройду мимо.

– Правильно, – одобрила меня Катюша, – ты достойна самого лучшего.

Я растерялась. Может, жаркая погода радикальным образом подействовала на мозг Кати, раз она перестала понимать шутки?

Со двора раздался свист, из холла – грохот, после чего послышался голос Костина:

– Понаставили капканов! Какого черта здесь делают ботинки?

Ну да, натолкнуться на уличную обувь в прихожей дело весьма необычное. Вовка, как всегда, споткнулся о Монблан из туфель и кроссовок. Наверное, он ожидал обнаружить у входа кастрюлю с супом, поэтому негодует, увидев баретки.

– Эй, иди сюда, – приказал кому-то майор, – фью-фью.

– Вовка гостей привез? – испугался Сережка. – Только их нам не хватало!

– К ноге, живо, фью-фью! – надрывался Костин.

– Может, все не так плохо, – пробормотала Юлечка, – навряд ли Вова станет подзывать приятелей свистом.

– Собака! – заорал Кирюша. – Вау! Он привез пса!

Не надо думать, что Кирик и Лиза несчастные дети, которым авторитарные родичи не позволяют завести даже хомячка. В нашем доме живут мопсы Муля, Ада, Феня, Капа, двортерьер Рамик и стаффордшириха Рейчел.

– Собачка? – без особой радости спросил Серега. – Ну-ну!

– Лампудель, ты уже собрала сумку? – заорал Вовка, входя в гостиную.

– Нет, только что о путевке узнала, – ответила я.

– Супер, – потер руки приятель, – поскольку ты едешь в крутое место, то должна соответствовать. Человека, как известно, встречают по одежке, поэтому я купил тебе гениальную вещь для шмоток! Ни у кого такой нет, она одна на всю Москву. Эй, живо сюда, фью-фью.

– В коридоре находится осел, на которого Лампа навьючит мешки? – без тени улыбки предположил Серега.

– Нет! – гордо заявил майор. – Любуйтесь!

В гостиную медленно вкатился объемистый чемодан.

– Прошу любить и жаловать! Сундук-робот! Сам движется, открывается и закрывается! Демонстрирую его таланты! – в полном восторге заходился Костин, отбегая в дальний угол. – Сюда, Робби, фью-фью!

Баул на колесах вздрогнул и, издав тихое жужжание, поспешил вперед, но почти сразу же замер, наткнувшись на кресло.

– Робби, – окликнул его майор, – ау!

Чудо технической мысли защелкало, ловко обогнуло препятствие и направилось к Вовке.

– Вау! Управление голосом! Прикол! – взвыл Кирюша. – Где ты его взял?

– Там больше нет, – гордо возвестил Костин, – теперь Лампудель полностью готова к поездке.

И тут я поняла: назад дороги нет. Самоходный кофр – это своеобразная точка возврата, ну, как в авиации. Долетев до определенного места, самолет не может развернуться и отправиться назад, ему придется двигаться только вперед. Если до этого момента теоретически я еще могла отказаться от путевки, то бегающий за хозяином чемодан отрезал мне все пути к отступлению.

– Вы не будете против, если я присяду? – спросил чей-то голос.

Я подняла голову и увидела стройного мужчину в светлых джинсах и майке-«алкоголичке». Незнакомец не понравился мне с первого взгляда, я никогда не приходила в восторг от голубоглазых шатенов с мужественными лицами, мне они кажутся до боли похожими на типов, которые рекламируют парфюм, кожаные куртки, сигареты и мотоциклы. Еще я на дух не переношу красавчиков из породы павлинов, а приветливо улыбающийся парень был явно из их стаи: накачал мускулы в тренажерном зале и теперь выпендривается, демонстрируя мне свои успехи в бодибилдинге.

– Вы вчера вечером приехали? – тут же начал беседу красавчик. – Одна? И я без спутницы, а здесь, между нами говоря, дичайшая скука! С тринадцати до восемнадцати всякие процедуры, вечером концерт, но я засыпаю под симфоническую музыку, а вы как к ней относитесь?

– Я закончила Московскую консерваторию по классу арфы, – злорадно ответила я.

– Упс! – засмеялся мужчина. – Какой я болван! Кстати, меня зовут Максим, а вас?

– Евлампия, – представилась я, – Романова. Извините, мне пора.

Максим сделал вид, что не заметил моего желания сбежать.

– Торопитесь к врачу? Давайте провожу вас, здесь с непривычки легко заблудиться.

– Вы очень любезны, но не стоит беспокоиться, – попыталась я выкрутиться.

Но прилипала не собирался выпускать добычу.

– Здесь мало отдыхающих, в основном пары или жуткие старухи, нам, молодым и красивым, следует держаться вместе.

Я резко встала.

– Максим, не хочу показаться грубиянкой, но поищите себе другую кандидатуру для курортного романа. Я вам категорически не подхожу.

– Почему? – не смутился нахал.

– Я не принадлежу к кругу богатых людей, не жена, не дочь и не любовница олигарха. Обычная работающая женщина, которой родственники в складчину купили путевку. Я не собираюсь прыгать в постель с первым встречным, не хочу замуж и не готова ни к каким, даже самым необременительным отношениям. Ясно?

– Ага, – радостно подтвердил наглец, – отвечаю. Я сам не владею миллиардами, служу водителем у суперважной персоны, отдых мне босс подарил! Так что два сапога пара, мы оба пашем на хозяина.

Вот тут я разозлилась окончательно.

– Забыла упомянуть еще одно обстоятельство: я ненавижу врунов.

– Сам терпеть их не могу, – подхватил Максим.

Мое терпение с треском лопнуло.

– Послушай, – рявкнула я на красавчика, – ты похож на шофера, как лимон на конфету! Вспомни о своей одежонке! На тебе джинсы фирмы «Ахо», они стоят запредельных денег! А легкие ботинки, которые производит концерн «Орди», потянут на трехмесячное жалованье водителя.

Максим растерянно посмотрел на свои туфли.

– Мне шмотки хозяин дарит! Он шопоголик, стресс в магазинах снимает. Скупает их мешками, потом прислуге отдает.

– А парфюм за четыреста баксов он тоже на челядь выливает? – спросила я, унюхав модный аромат (последняя новинка от француза, которого, говорят, обожают президенты многих стран).

– Да! – радостно заорал Максим. – Я получил одеколон от шефа на день рождения.

Я ткнула пальцем в запястье ухажера:

– Часы! Сказать тебе, какова их стоимость? Брюки и одеколон еще куда ни шло, но хронометр никто водиле с барского плеча не подарит. Ни один хозяин не захочет, чтобы обслуживающий персонал выглядел с ним ровней.

Максим стал чуть менее напорист.

– Ты работаешь в фэшн-индустрии? Управляющая бутиком? Или строчишь статьи в какой-нибудь гламурный журнал?

– Нет, я музыкант, – с самым честным видом солгала я, – нащипываю арфу в кабаке. Народ ужинает, а Лампа – бесплатное приложение к дорадо или ризотто с кроликом!

Ну не сообщать же навязчивому типу правду про мою работу частным детективом. Хранить тайну в интересах сыщика, тем более если он решил отдохнуть. Ведь ему не нужно пристальное внимание окружающих.

Максим молча смотрел на меня, я почувствовала неловкость и добавила:

– Музыканты обладают не только тонко развитым слухом, но и отличной памятью. Публика в кабаке обеспеченная, вот я и поднаторела в моде. А сейчас мне пора! До свидания.

Глава 2

На рецепшен предупредили, что врач, который составит для меня схему лечения, ждет в третьем кабинете. Я прошла по абсолютно пустому, застеленному дорогим ковром холлу, свернула в небольшой коридор, постучала в створку, не услышала ни звука в ответ, бесцеремонно открыла дверь и вошла внутрь. За большим письменным столом никого не было, но около перекидного календаря лежали очки в золотой оправе и мобильник: вероятно, доктор отлучился. Я уже собралась выйти, как из распахнутого окна донесся тихий женский голос:

– Знаю, это вы его убили! Иначе бы он ко мне вернулся!

– Милая, успокойтесь, – ответила другая дама, с более низким тембром голоса, – вы, очевидно, заболели, выпейте успокоительное.

– Нет, он мне прямо заявил! – воскликнул прежний голос.

– Что и кто вам заявил? – заинтересовалась ее собеседница.

– Леня предполагал, что падет от руки любовницы. Он предупреждал: «Если я исчезну, знай: меня бабы на ремни порвали».

– Ну-ну, – устало подбодрила вторая дама, – я все-таки думаю, что вам лучше обратиться к психотерапевту, но и я всегда готова прийти на помощь человеку, которому плохо. О каком Лене идет речь?

– Сволочь! – тихий голос перешел в верхний регистр. – Леонид – факир! Ты его убила! Он говорил: «Если только я исчезну, значит, меня баба жизни лишила!»

– Факир? Это фокусник, да? – изумилась вторая. – Бога ради, я ничего не понимаю! Ай! Прекратите! Мне больно!

Я выглянула в окно и увидела колоритную картину: довольно полная, коротко стриженная, явно крашенная хной женщина в темно-синем балахоне повалила на траву пожилую даму, облаченную в светлый шелковый костюм с вышитыми бордовыми розами, и пыталась воткнуть голову несчастной в газон.

– Эй! Прекратите! – крикнула я. – Сейчас охрану позову!

Толстуха подняла голову, ни слова не говоря, вскочила и с неожиданной прытью убежала прочь. Дама осталась лежать на земле. Я вылезла из окна и присела около нее.

– Ой! – взвизгнула бедняжка и съежилась.

– Не бойтесь, психопатка испарилась, – попыталась я успокоить пострадавшую, – она вас больно ударила? Помочь вам встать? Сегодня жарко, но лежать на земле неразумно. К тому же, боюсь, ваша одежда испорчена, пятна от травы практически не отстирываются.

– Ерунда, – дрожащим голосом ответила, поднимаясь, несчастная. – Я Нина, а вы кто?

– Евлампия Романова, музыкант, играю в оркестре на арфе, приехала вчера вечером. Совершенно случайно я стала свидетельницей вашего разговора и, уж извините за наглость, решила вмешаться.

Нина покосилась на открытое окно.

– Наоборот, огромное вам спасибо. Можете проводить меня до центрального входа? Вдруг эта ненормальная рядом бродит?

– Хорошо, – согласилась я, – а что случилось?

Нина пожала печами:

– Понятия не имею. Видите ли, на «Вилле Белла» скучновато. Персонал окружает гостей такой тишиной и заботой, что через три дня сойти с ума можно. Завтрак, прогулки, процедуры, обед, процедуры, ужин, концерт. Еще библиотека и бильярд. А тут неподалеку расположен городок Ларюхино, крохотный и утомительно провинциальный, но… Я и пошла туда развеяться, погуляла по местным магазинам, заглянула в церковь, у меня муж недавно умер, свечку поставила и отправилась назад. Гляжу, за мной женщина топает, почти по пятам. Мы вместе миновали охранника у центральных ворот, я и решила, что она служащая. Посудомойка, горничная, мало ли кто! На постоялицу абсолютно не похожа. И потом, ее секьюрити без писка пропустил – значит, она своя. Эта особа двигалась за мной до этого места, а затем налетела с кулаками! Я так перепугалась! До сих пор поджилки трясутся.

– Надо немедленно сообщить администрации! Люди платят немалые деньги, чтобы поправить здесь здоровье, им стресс не нужен. Вы не волнуйтесь, хамку найдут и непременно накажут, – успокоила я Нину.

Дама робко взглянула на меня.

– Евлампия, дорогая, не надо поднимать шума. Очень неприятно, что вы случайно оказались впутаны в отвратительный скандал, но я не пойду жаловаться.

– Не хотите призвать хулиганку к ответу? – удивилась я.

Нина пригладила волосы.

– Она определенно сумасшедшая! Несла ахинею про какого-то фокусника!

– Тем более необходимо поднять тревогу, – не успокаивалась я, – человек со сдвигом может натворить больших бед.

Нина умоляюще сложила руки:

– Милая! Пожалуйста! Никому ни слова!

– Да почему? – воскликнула я. – А если шизофреничка снова накинется на вас и рядом не будет ни одной души? Сегодня я спугнула ее, но завтра может никого поблизости не оказаться.

Нина протяжно вздохнула:

– Видите ли, после смерти мужа мои дети стараются не оставлять меня в одиночестве. Мы живем дружно, все вместе, и дочери, и зять в одном доме, у нас не бывает серьезных ссор, так, мелкие бытовые разногласия. Замуж я вышла рано и посвятила себя семье. Тот, кто считает домашнюю хозяйку бездельницей, глубоко ошибается: я кружилась как юла с утра до ночи. И никогда не ощущала со стороны родственников пренебрежения или этакого взгляда свысока. Но есть небольшая деталь…

Нина вздернула подбородок.

– Я постоянно влипаю в идиотские ситуации. Раньше, например, когда была без машины, естественно, пользовалась метро, и, если в вагон вваливался пьяный, он непременно падал именно на меня. Я застреваю каблуками в решетках водостоков, поскальзываюсь в супермаркетах на влажном полу и крушу пирамиды консервных банок. Не так давно совсем кретинский случай был. Я приехала в бутик за обувью. Пытаюсь выйти из машины – безрезультатно. Представляете? Открыла дверь, а вылезти не могу! Сначала я испугалась, подумала, что давно не вставала на весы и так сильно поправилась, что постамент назад тянет. Затем мне пришло в голову, что я взяла не свой джип, а седан дочери, у него посадка низкая, вот я и плюхаюсь вновь и вновь на сиденье. Пока раздумывала, появился гаишник, начал интересоваться, что да как. Я по глупости ему взяла и честно сообщила: мол, не могу автомобиль покинуть. А он мне и говорит: «Гражданочка, попробуйте отстегнуть ремень безопасности, иначе далеко не уйдете». Ну не дура ли?

– Со мной частенько происходят аналогичные события, – улыбнулась я.

Нина тоже подняла уголки губ.

– Тогда вы должны понять, почему я хочу скрыть это нелепое происшествие! Дочери и так прозвали меня мастером художественных неприятностей. Услышат, что я стала жертвой психопатки, начнут мораль читать: «Мама, вечно

ты вляпаешься!»

– В принципе, вы правы, – протянула я, – только будьте осторожны. В следующий раз, если увидите преследующего вас человека, притормозите рядом с охранниками и попросите их разобраться.

– Непременно так и поступлю, – заверила Нина, – простите, отвлекла вас.

Я продемонстрировала хорошее воспитание:

– Все в полном порядке, раз вы не ранены, я со спокойной душой пойду к врачу.

– Аллочка – прелесть, – оживилась Нина, – выглядит шикарно, хотя ей уже давно не тридцать. Ох, опять я болтаю!

Потрогав большой, усыпанный крупными бриллиантами кулон, висящий у нее на шее, Нина, приветливо помахав мне рукой, упорхнула в корпус, а я поспешила во флигель, где находилась бальнеолечебница.

На этот раз за письменным столом сидела женщина лет двадцати пяти в белом халате.

– Евлампия Андреевна? – обрадовалась она. – Очень рада вас видеть!

– Прошу прощения за опоздание, – сказала я.

– Пустяки, – легкомысленно отмахнулась красотка, – я доктор медицинских наук, профессор Алла Михайловна Шпакова, для своих просто Аллочка.

– Доктор медицинских наук, профессор? – не сдержав удивления, переспросила я.

Алла звонко рассмеялась и стала выглядеть еще моложе.

– Ну почему все новые пациенты одинаково реагируют на мои слова? Один банкир даже паспорт потребовал! Вон мои дипломы и свидетельства с

аттестатами на стене висят.

Не успев оправиться от впечатления, полученного от созерцания молодого лица профессора, я посмотрела на «вернисаж». «Лондонское королевское общество физиотерапевтов. Алла Шпакова прослушала курс лекций «Массаж по системе Джойса», «Институт альтернативной гастроэнтерологии в городе Вшыслав. Алла Шпакова защитила степень магистра по теме «Лечение минеральной водой», «Лаборатория «Ориан». Алле Шпаковой, победительнице международного конкурса врачей-натуропатов».

– Это еще не все аттестаты, – сообщила доктор. – Остальные в библиотеке висят.

– Сколько вам лет? – бесцеремонно спросила я.

– Сорок пять, а что? – весело спросила Аллочка. – Я выгляжу немного моложе своих лет, но подтяжки или ботокс ни при чем. Я категорическая противница подобного издевательства над собой и окружающими. Кстати, десять лет назад я выглядела намного хуже, сейчас покажу.

Изящной рукой она вынула из ящика фотографию, которая через секунду легла передо мной.

Снимок был весьма красноречив. На сером фоне стояла довольно полная дама, одетая в светлый летний костюм. Несмотря на мешковатый, доходящий до середины бедер пиджак и брюки-трубы, сразу было понятно – у женщины килограммов двадцать избыточного веса. Не красили ее и здоровенные очки, как, впрочем, и темные волосы, в беспорядке лежащие на плечах.

– Узнаете? – спросила Алла. – Госпожа Шпакова в день своего тридцатилетия.

– Не может быть, – потрясенно возразила я. – Тетеньке на снимке полтинник с гаком.

Врач достала из ящика пару листов бумаги.

– Полнота прибавляет возраст, длинные волосы темного цвета хороши лишь для юной девушки. Я поставила перед собой цель измениться и достигла ее. Кудри

отстригла и покрасила волосы, вместо очков ношу линзы. Тяжелее всего пришлось с весом, диета – это ужасно, мне никогда не удавалось ее до конца выдержать. Но, к счастью, есть Ларюхинские грязи: от обертываний жир начал испаряться. В жизни не бывает невыполнимых задач, но встречаются люди, которым лень трудиться. Ну, хватит обо мне, давайте о вас. Какие проблемы?

– Здоровье меня не подводит, я ни на что не жалуюсь, собой довольна, приехала погулять, отдохнуть, поплавать в бассейне, – изложила я программу-максимум.

Продолжая улыбаться, Аллочка бросила быстрый взгляд на бумаги.

– Евлампия Андреевна, стоимость процедур включена в оплату путевки. Обидно, если денежки пропадут. Конечно, мне, как владелице заведения, выгоднее сейчас отпустить вас со словами: «Прекрасно, совершайте променад по лесу!», но я врач и хочу вам помочь, тем более что это легко сделать. Можете посмотреть в камеру, которая установлена на треноге?

– Пожалуйста, – согласилась я.

Аллочка повернула в мою сторону большой монитор и начала терзать клавиатуру. На экране появилось мое изображение.

– Это вы, – уточнила доктор, – ничего ужасного не вижу, смотритесь моложе своих лет. А такой станете, если пройдете наш курс.

Монитор моргнул, возникло новое изображение.

– Что такое? – подскочила я. – Это фотошоп?

– О боже, конечно нет! – отвергла мое предположение Шпакова. –
Я воспользовалась программой, которая моделирует изменение внешности. Цвет кожи стал свежим, исчезли мелкие морщинки, небольшие пигментные пятна, овал лица приобрел четкость. Еще я изменила вам форму и цвет бровей, волосы оставила короткими, но добавила рыжины, челку «оборвала», зубы отбелила. Теперь посчитаем. Прическа убавила пять лет, более светлый тон зубов отнял еще столько же, а состояние кожи – просто как у юной девушки. Вы большой молодец, сохранили стройную фигуру. Но, уж простите, нужно слегка ее

подкорректировать. Сюда прибавим, а здесь, в области талии, отрежем. Ну?

– Супермодель, – выдохнула я, – и за все это дополнительно ни копейки?

– Вы уже заплатили за путевку, – напомнила Алла. – Ох, простите, я ошиблась, отбеливание зубов не входит в перечень наших услуг. Если вы не доверяете местному стоматологу, то, пожалуйста, сделайте это у другого врача, мы дадим вам рекомендации. Так как? Оставите лицо и фигуру без изменений или рискнете последовать моему совету?

Я не принадлежу к категории женщин, которые готовы с утра до ночи заниматься собственной внешностью. Фитнес-зал, косметолог, массажист, парикмахер, стилист не включены в ежедневное расписание Евлампии Романовой. Стрижет меня Марина из маленького салона, куда я хожу не первый год, маникюр и педикюр делаю там же, у симпатичной Танечки. Элитной косметики не покупаю, обхожусь обычным кремом, макияжем пользуюсь редко. До последней минуты я полагала, что со щенячьей свежестью лица распрощалась навсегда. И вдруг мне объясняют: еще не вечер!

– Да, – выдохнула я, – записываюсь! На все! Готова вытерпеть что угодно! Есть к чему стремиться.

– Замечательно, – похвалила Аллочка и взяла трубку: – Маргоша, зайди.

В кабинет вихрем ворвалась женщина, по виду – не старше Шпаковой. Впрочем, может, она уже бабушка. Теперь поостерегусь угадывать возраст сотрудников «Виллы Белла».

– Отдаю в твои руки Евлампию, она подписалась на наш фирменный курс, – строго заявила врач.

– Йес! – вытянулась в струнку Маргоша.

– Если возникнут проблемы, – нежно промурлыкала Аллочка, – самая малюсенькая, с ноготок, допустим, вас раздражает цвет занавесок или банный халат чуть великоват, в любое время дня и ночи зовите меня. Я всегда здесь.

– Спасибо, я поняла, вы тут живете, – кивнула я.

Аллочка встала.

– Верно, за левым флигелем стоит мой дом. Удачного начала процедур. Маргоша, пусть обертывание делает Надя, Евлампия у нас первый раз, может смутиться при виде Ильи.

Глава 3

До входа в процедурный кабинет идти было всего ничего, но Маргоша успела замучить меня заботой.

– Осторожно, не споткнитесь, здесь на ковре складка. Не дует? Окошко не закрыть? Вам не жарко? Хотите пить?

Я сдуру кивнула и вызвала новый шквал вопросов:

– Чай? Черный, зеленый? Кофе, сок, молоко, колу, лимонад?

– Лучше минералки, – попросила я.

– С газом? Французскую, итальянскую? – частила Маргоша, открывая дверь. – Входите, располагайтесь. Вот водичка, она комнатной температуры, но я могу достать из холодильника ледяную. Правда, не советую, можно подцепить ларингит, трахеит, бронхит. Евлампия Андреевна!

Я, в целях самосохранения перестав слушать дребезжавшую, как погремушка, медсестру, не сразу среагировала на свое имя.

– Алла Михална просила вас Наде отдать, но не возражаете, если я сама обертыванием займусь? – просительно заныла Маргоша. – Без скромности скажу: я здесь лучшая. Фаина очень толстый слой грязи мажет, Илья в основном с мужчинами работает, а Надя...

Маргоша примолкла, я вопросительно посмотрела на нее.

– Она на работу сегодня не вышла, – призналась наконец медсестра. – Если Аллочка Михална узнает, Надьке секир-башка гарантирована. Надя аккуратная, не знаю, что с ней случилось! Звоню на мобильный, а тот знай себе воркует: «Абонент недоступен».

– Мне все равно, кто проведет процедуру, – ответила я, – лишь бы ее сделали правильно. Но если бы моя коллега не появилась без объяснений на службе и не реагировала на звонки, я бы начала волноваться: мало ли что может случиться – под машину попала, стала жертвой грабителя. Лучше в милицию сообщить.

Маргоша засмеялась:

– Так вы в Москве живете, а мы в Ларюхине, у нас пока нет ни пробок, ни большого движения. Все вокруг друг друга знают, а в отделении три калеки служат, трое из ларца.

– В мультике их было двое, – улыбнулась я.

Маргоша подвела меня к небольшому шкафчику и раскрыла дверцу.

– А здесь трое. Три Ивана, три дурака. Начальник Иван Сергеевич, его помощник Иван Николаевич, а на побегушках Иван Петрович. Их все Иван первый, второй и третий зовут. По отчеству не величают, не заслужили. И внешне похожи: кругломордые, щеки красные, сами лысые, – одним словом, красавцы!
В Ларюхине худого не случается, ну, подростки из супермаркета жвачку сопрут или подерется кто. Надька, наверное, заболела. Раздевайтесь, берите халатик и идите вон в ту дверку, там будете принимать расслабляющую грязевую ванну. Прямо завидую вам, такая красота кругом! Лес, свежий воздух!

– Процедура проводится на улице? – уточнила я.

– Летом – да, – подтвердила Маргоша, – на Бали ездили? Хотя чего я спрашиваю, конечно, ездили!

– М-м-м, – промычала я: почему-то мне не захотелось признаваться, что я даже не знаю, где находится упомянутое Бали.

– Помните тамошние ванны на веранде или прямо у кромки волн? Так вот и Алла Михална решила людям в лесу релакс обеспечивать. Не волнуйтесь, территория огорожена, посторонних нет, доступ в бальнеологическую зону открыт лишь для сотрудников, а мы все медики. Получите неземное удовольствие, ощутите первобытное слияние с природой, я один разок сама на купание решилась и до сих пор вспоминаю.

– Отчего же вы не пользуетесь ваннами регулярно, раз они так приятны? – для поддержания беседы спросила я.

Маргоша глянула исподлобья.

– Дорого очень. Мне и на Бали бы денег не собрать, но спасибо одной клиентке, Нине Олеговне Пронькиной, она мне отдых подарила. Такая милая женщина, богатая невероятно, а дочерей боится. Дала мне конверт с билетами и сказала: «Маргошечка, с днем рождения! Отдыхай, загорай, очень прошу, ни слова моим, а то они вечно меня ругают, что я деньги транжирю». Я вообще не врубаюсь, как она позволяет детям замечания себе делать? Ой, заболталась. Теперь вас проинструктирую. Открываете дверку, проходите коридорчиком и попадаете в… лес. Не пугайтесь, это специально обустроенный ландшафт. Мой вам совет, оставьте тапочки у порога, идите к ванне босиком: на земле иголки от елей, освободитесь с их помощью от статического электричества. Когда сядете в ванну, температура грязи сначала покажется вам не очень комфортной, но так надо, тело быстро привыкнет. Продолжительность процедуры полчаса, если устанете раньше или надоест, нажмите кнопку, она стилизована под шишку, увидите ее рядом, справа, и я прибегу.

– Вы меня не сопроводите? – уточнила я.

– Нет, – пояснила Маргоша, – Алла Михална хочет, чтобы клиент ощутил дыхание природы, а если рядом медсестра будет, эффект смажется. Ну, я убежала!

Маргоша нырнула в коридор. Я спокойно разделась, накинула белоснежный халат, вытащила из запаянного пакета одноразовые тапочки, поискала глазами дверь и без колебаний ее открыла.

Как и обещала Маргоша, передо мной возник неожиданно длинный и узкий коридор без ковра. С другой стороны, согласитесь, странно ожидать мягкое покрытие на дороге к грязевой ванне. Возвращаться мне придется тем же путем, душ, понятное дело, оборудован в помещении, и очень правильно, что уложили здесь плитку.

Я дошла до следующей двери, толкнула ее и замерла. Хорошо, что Маргоша в деталях описала, что мне предстоит увидеть: иначе можно было сильно изумиться. Впереди расстилался лес, от крыльца в глубь массива вела еле заметная тропка. Я, оставив по совету медсестры тапки у порога, последовала дальше босиком. Под ногами пружинила совсем не колкая хвоя, солнышко припекало, но лучи не проникали сквозь ветви, было слегка влажно, пахло почвой, смолой и еще чем-то непонятным, но приятным. Около минуты мне понадобилось, чтобы оказаться на круглой полянке, на которой выделялся неровный круг темно-зеленой травы. Сообразив, что ванна стилизована под болото, я осторожно вошла в мягкую, податливую грязь. Ощущения при этом испытала не самые приятные, сверху субстанция оказалась теплой, даже горячей, а ноги окунулись почти в ледяную жижу. Но ведь Маргоша специально акцентировала мое внимание на не очень комфортной температуре в начале процедуры. И потом, я знаю, что лечебный эффект напрямую зависит от правильного нагрева или охлаждения жидкости.

Один раз мои родители, прихватив с собой меня, отправились в город Кисловодск. И у папы, и у мамы были проблемы с желудком, а я поехала с ними за компанию. Естественно, мне никто не прописывал лечения минеральными водами, но папа купил мне кружечку со смешным носиком, через который следовало пить природное лекарство. Я наполнила ее из одного источника, хлебнула и тут же выплюнула, решив никогда больше не приближаться к трубе, из которой течет вода с запахом тухлых яиц. Родители же послушно исполняли предписания врача, а я таскалась за ними и ныла:

– Зачем идти два километра в гору, если под носом, в санатории, есть кран?

Отец терпеливо объяснял капризнице:

– Вода везде разная, а главное, отличается температура источника. Выпьем холодную и только хуже себе сделаем, нам велено пить из горячей скважины.

Через двадцать четыре дня родители уехали в Москву здоровыми и навсегда забыли о болях в желудке, а мне стало понятно: хочешь добиться нужного эффекта – дотошно исполняй предписания врача.

Тихо повизгивая, я опустилась в ванну и поняла, что она довольно глубокая: черно-зеленая грязь покрыла тело почти до подбородка. Минуту я сидела тихо, потом начала оглядываться по сторонам. Идея устроить единение человека с природой замечательна. На дворе жаркий август, а в лесу прохладно, но почему бы не поставить здесь вешалку или стул? Мне пришлось бросить халат прямо на хвою. Еще неплохо бы приделать к борту ванны ручку, тело норовит соскользнуть в грязь с головой, приходится цепляться за растущие по краям пучки острой травы. Процедурная оборудована натуральными материалами, во всяком случае, осока и вон тот камень, выступающий из грязи, настоящие, а не пластиковые. Интересно, каким образом Алла решает проблему стерильности? После каждого клиента емкость необходимо тщательно чистить. Ну, хватит думать о чепухе, лучше наслаждаться моментом.

Я уперлась ногами в валун и поняла, что он тут не случайно – камень выполняет роль стопора. Перестав тонуть, я зажмурилась и пришла в восторг. Боже, как хорошо! Тишина, покой...

– Деда, там голова, – прозвенел над ухом детский дискант.

– Тсс, сколько разов говорено, не ори, – ответил скрипучий голос.

Я вздрогнула и открыла глаза. Почти у самой ванны стояла колоритная парочка: сухонький дедушка в кроссовках, серых брюках и безразмерной майке с надписью «Love sex» держал за руку девочку лет шести в джинсах, густо усыпанных стразами, и трикотажной кофточке, украшенной изображением Барби.

– Дедуля, она глазами хлопает, – заорала внучка, – живая! Не дохлая! Я думала, мы, как в сериале про «CSI: Лас-Вегас», одну башку нашли!

Я опешила от неожиданности. Если появление пенсионера и ребенка меня просто удивило, то после заявления крошки я была потрясена. Малышка смотрит сериал «CSI»? Ей разрешают любоваться лентой, повествующей о суровых буднях криминалистической лаборатории? Фильм снят жестко, с показом

вскрытых тел и тошнотворных деталей. Я, правда, увлеклась этим кино, но никогда не употребляю во время просмотра даже чай. Как можно наслаждаться ужином, когда на экране появляется прозектор с анатомическими кусачками или пилой для вскрытия черепа, а потом приводит инструмент в действие! Первоклашка же, похоже, настоящая фанатка «CSI»: не испугалась головы, торчащей из грязи.

– Вы живая? – задал гениальный вопрос старичок.

Я постаралась не рассмеяться. Люди иногда на редкость глупо себя ведут.
В апреле Катюша летала в Париж. Рядом с ней в самолете сидел мужчина, который, очевидно, решил завести знакомство с симпатичной соседкой. Многие парни, едва покинув родной дом, жаждут приключений. Тот не был исключением, но спрашивать у Кати, как ее зовут, ему, видимо, показалось пошлым, поэтому он поинтересовался:

– Вы, простите, на этом самолете во Францию летите?

Можете представить себе более нелепый вопрос во время беспосадочного перелета Москва – Париж?

Катя оторвалась от журнала и вежливо ответила:

– Именно туда. А вы, наверное, в Нью-Йорк…

– Деда, дохлая голова глазьями не шевелит, – дернула старика девочка. – Интересно, у нее ноги есть?

Я откашлялась и подала голос.

– Кто вы и что здесь делаете?

– Ленку ищем, – ответил пенсионер.

– Козу, – уточнила девочка, – она удрапала!

– Немедленно уходите, – велела я, – вы зашли на частную территорию, это лечебница.

– Ох, простите, мы не хотели, – начал извиняться дедуля, – думали, заборчик ничейный, вот и пролезли.

– Тетя, а что вы делаете? – перебила его внучка.

– Купаюсь, – ответила я.

– А чего не в речке? – не успокаивалась малышка. – В грязи сидеть нельзя.

– Это полезная грязь, – объяснила я, – она болезни лечит.

– Скажите, пожалуйста, – покачал головой дед, – и артрит уберет?

Вам понравилось бы вести беседу с абсолютно незнакомым мужчиной, сидя голой в ванне? Хорошо хоть целебная жижа непрозрачная, но я все равно чувствовала себя некомфортно, поэтому коротко ответила:

– Да.

– Деда, пошли, – заныла внучка, – есть хочу.

– Погоди, – отмахнулся старик и снова обратился ко мне: – Суставы замучили, на смену погоды их крутит, сил нету терпеть. Я к врачу ходил, таблетки пил, уколы делал, кремом мазал – ничего не помогает. А правда, что в этой санатории наше правительство от болезней спасается, депутаты всякие, актеры, а?

– Не знаю, – ответила я.

– Значит, правда, – обрадовался старик, – и сколько стоит в луже посидеть? Небось простому рабочему человеку это не по карману.

– Я не в курсе ценовой политики лечебницы, пожалуйста, уходите, – теряя терпение, попросила я.

– Слышь, дочка, – вкрадчиво попросил дедок, – а можно я рядом с тобой пристроюсь? С самого краешка? Пожалей пенсионера, я ветеран войны, с медалями.

– Не ври, деда, – топнула ногой девочка, – тебе только семьдесят.

– Молчи, Аня, – обозлился старик, – лезешь, куда не спрашивают!

– Вы с ума сошли? – обмерла я.

– Меня артрит с ног сбивает, правительство знает, куда лечиться ездить, и денег у них навалом, а мне куда деваться? – запричитал дедок. – Наши ларюхинские бабы говорят: в этой санатории чудеса творят! Сюда такие машины приезжают! Ну что тебе, жалко? Никакого вреда от меня не будет!

Издалека послышалось меканье.

– Деда, Ленка нашлась, – запрыгала девочка, – кричит вон откуда, наверное, на поле убежала! Зря мы с тобой через забор лезли.

– А вот и нет, – потер ладошки «ветеран». – Дед на лекарство наткнулся! Беги, Анечка, за козой, тащи ее домой, я тут посижу и вернусь здоровым, а тебе мороженое куплю.

Девочка, кивнув, убежала, а пенсионер начал расстегивать брюки.

– Не смейте! – крикнула я.

Надо спешно прервать процедуру, но выскакивать голой из грязи не хотелось. И тут я вспомнила про тревожную кнопку, пошарила рукой по земле, обнаружила несколько настоящих шишек… и вдруг услышала «плюх».

В первую секунду я решила, что наглый пенсионер уже нырнул в ванну, но, посмотрев на подрагивающий слой грязи, заметила высовывающуюся оттуда круглую лягушачью голову с раздувающимся подбородком. Муляж был выполнен настолько искусной рукой, что я восхитилась талантом мастера, создавшего для бальнеологической лечебницы земноводное, до последней черточки похожее на

живое.

– Ква, ква, ква, – ожила пучеглазая красотка.

– Пшла вон, – заявил дед и бросил в квакушку шишку.

Грушевидное зеленое тело резво выпрыгнуло на берег и ускакало в заросли травы.

– Она настоящая? – испугалась я.

– Уж не плюшевая, – меланхолично сказал дед и стянул с себя футболку.

– Помогите, – заорала я, – люди! Алла! Маргоша! Охрана!

– Экая ты, – зашипел дед. – Не хочешь ветерану помочь, я жизнь за тебя на фронте отдал! Вот молодежь неблагодарная выросла!

– Евлампия! – донеслось в ответ. – Вы где?

– Тут! – с нечеловеческой силой завопила я. – В ванне!

Дед плюнул на траву, схватил одежду и исчез за елями. Спустя мгновение передо мной возникла запыхавшаяся Маргоша.

– Слава богу, – выдохнула она, – фу! Я чуть не умерла! Что с вами стряслось?

Я очень редко злюсь на посторонних людей. Если продавщица в магазине меня не замечает или официантка не торопится с заказом – я просто уйду, не затевая скандала. Но сейчас моя нервная система не выдержала, и я налетела на Маргошу с упреками:

– За путевку отдано огромное количество денег, Алла обещала мне комфорт, омоложение и полнейший покой. Но действительность не похожа на ее слова! Купель неудобная, на бортике нет ручки, кнопку вызова медсестры трудно найти! Мне не дали полотенца, только халат! Прикажете топать в корпус

мокрой? Где вешалка? Неужели трудно стул поставить? А главное, сюда проник безумный старик, он пытался залезть в ванну!

Маргоша молча слушала меня, закусив губу. Когда мое негодование выплеснулось, медсестра сдавленно проговорила:

– Уж не знаю, как вам сказать… Ларюхинцы иногда сюда лезут, знают, что нельзя, но все равно прутся. Пока Алла Михална землю не купила, местные в этот лес за грибами бегали, вот до сих пор и ходят по старой памяти.

На меня накатил новый прилив злобы.

– В этом случае крайне умно было оборудовать грязевую ванну на опушке. Это все равно что пикник на Тверской улице устроить!

Маргоша издала странный булькающий звук и пробормотала:

– Кому сказать – не поверят, Евлампия Андреевна…

– Обойдемся без отчества, зовите меня Лампой! – отрезала я.

– Лампа, – послушно повторила Маргоша, – не волнуйтесь, не падайте в обморок!

– С какой стати? – удивленно спросила я. – Я не истеричка!

Маргоша набрала полную грудь воздуха и выпалила:

– Потому что вы не в ванне!

Глава 4

– А где? – поразилась я.

– Просто в грязи, – хихикнула Маргоша, попытавшись оборвать некстати вырвавшийся смешок. Однако она в этом не преуспела, села на пень и захохотала во весь голос.

– Просто в грязи? – повторила я. – Вроде как в луже?

– Это лужа и есть, – согласилась Маргоша, вытирая рукой слезы, выступившие на глазах от смеха.

Я в растерянности оглянулась по сторонам.

– Понятно, почему отсутствуют вешалка, махровые простыни, стул и телефон. Значит...

С громким воплем я выскочила из ямы и закуталась в халат.

– Пойдемте скорей, – опомнилась медсестра. – Сейчас помоетесь, продезинфицируетесь, антибактериальный гель вам дам.

Около часа я приводила себя в порядок, бесконечно поливаясь жидким мылом и смывая его чуть ли не кипятком. В конце концов, устав, как заяц, удравший от охотников, я вышла в комнату отдыха. Маргоша ринулась мне навстречу.

– Лампа, вы, когда направились на процедуру, перепутали двери! Пошли не налево, а направо и оказались у выхода для сотрудников.

– Могу дать вам дельный совет, – мрачно сказала я, – прибейте таблички «Грязевая ванна» и «Посторонним выход воспрещен», и люди не перепутают лечебную купель с лесным болотом.

– Но у нас никогда не случалось проколов! – объявила Маргоша. – Вы пока единственная обмишурились!

Ну кто бы сомневался? Госпожа Романова – чемпион по части попадания в идиотские ситуации. Представляю реакцию домашних, если до их ушей дойдет правда.

– Лампа, дорогая, – робко завела Маргоша, – давайте никому не расскажем о вашем маленьком приключении!

– Не испытываю желания делиться этой историей даже с очень близкими людьми, – согласилась я.

Маргоша не смогла скрыть бурную радость.

– Вот спасибо! Хотите настоящую ванну принять?

Я поежилась. Ну уж нет!

– Лучше пойду в библиотеку, найду хорошую книгу и почитаю в номере.

– Отличная идея, – одобрила Маргоша, – не волнуйтесь, процедура не пропадет, я в любое время вам ее сделаю, задержусь после работы, приду раньше, только не выдавайте меня! Моргнуть не успею, как без работы останусь! Ну и день сегодня! Надька пропала, вы в луже поплескались, а уволят меня!

Я еще раз заверила медсестру в своем намерении молчать и пошла в книгохранилище.

Вспомнила, как, бегая за подарками перед самым Новым годом, я ухитрилась шлепнуться на улице и сильно разбила коленку. Пришлось по дороге зайти в поликлинику. Хмурая травматолог промыла мне рану перекисью, налепила пластырь и куда-то ушла. Клейкая пластина тут же отвалилась, я попыталась приспособить ее на прежнее место, потерпела неудачу, и кровь капнула на пол.

Едва врач вернулась, я сказала:

– Пластырь отклеился, дайте мне новый, иначе утонете здесь в моей крови. Похоже, перекись не помогла.

– Вот беда! – всплеснула руками последовательница Гиппократа. – Только что уборщица пол помыла! Сейчас я вам по всей науке повязку наложу, а то загваздаете линолеум, а мыть некому. Тетя Дуся домой уехала, придется мне самой за швабру браться.

Похоже, Маргоша – родная сестра той докторицы. Травматолог сначала решила по-быстрому отделаться от больной, приляпала пластырь и хотела выставить меня вон, а потом, чтобы самой не мыть пол, наложила повязку «по всей науке». Маргошу совершенно не беспокоят судьба коллеги и состояние здоровья пациентки, совершившей заплыв в луже. Заботит медсестру лишь одно: не дай бог начальство ее накажет.

В просторной комнате, набитой шкафами, царил прохладный полумрак, большие окна украшали плотные бархатные занавески, и пахло здесь так, как во всех библиотеках: немного пылью, старыми газетами и почему-то ванилью. Аромат специи защекотал нос, я чихнула.

– Будьте здоровы, живите богато, – неожиданно произнес чей-то голос.

От неожиданности я подпрыгнула.

– Мама!

В дальнем углу вспыхнул торшер, и я увидела Нину с книгой в руках.

– Напугала вас? Простите, я не хотела! – извинилась она.

– Ерунда, мне показалось, что здесь никого нет, – ответила я. – Что вы читаете?

– Сказки Андерсена. Только, знаете, они совсем не веселые! – протянула Нина.

– Да уж, – согласилась я. – Есть у него притча под названием «Большой Клаус и маленький Клаус», на мой взгляд – кромешный ужас, ребенку даже показывать не стоит. Да и в остальных произведениях Ганса Христиана мало доброты.

– У братьев Гримм не лучше, – подхватила тему Нина. – И еще, я не понимаю, почему «Муму» Тургенева включено в программу для чтения младшеклассников?

Я села на диван.

– Могу признаться. Я проревела в детстве над историей об утопленной собачке целый день и больше не взяла в руки ни одно произведение Ивана Сергеевича – ни «Отцы и дети», ни «Стихотворения в прозе» и прочие. А еще не рискнула прочитать книгу Троепольского «Белый Бим Черное Ухо» и не смотрела одноименный фильм.

– Ерунда, надеюсь, это ваше самое большое прегрешение, – вдруг странным голосом произнесла Нина. – Я когда-то круто изменила свою судьбу!

– В этом мы с вами похожи. В один прекрасный день я ушла из дома и начала жизнь с чистого лист[1 - См. книгу Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника», издательство «Эксмо».]

– Ради детей надо сохранять семью, – назидательно сказала Нина.

– У меня нет ни сына, ни дочери, – пояснила я, – племянников воспитываю.

– Может, оно и к лучшему, – неожиданно произнесла собеседница. – Из-за племянников не станешь слишком сильно переживать. Знаете, я ради Сони и Лиды на все была готова, но сейчас лезут в голову всякие мысли! Вы слышали что-нибудь о Малыше?

– Который дружил с Карлсоном? – развеселилась я.

– Нет, – улыбнулась Нина. – Я имею в виду рок-певца Малыша.

– Не поверите, один раз я даже была на его концерте, – сказала я. – Кирюша и Лизавета на какое-то время увлеклись «тяжелым металлом», мечтали увидеть Малыша, так сказать, живьем, а я побоялась отпустить школьников одних на стадион. «Секс – наркотики – рок-н-ролл» – мне этот лозунг не по душе, поэтому я решила присмотреть за подростками.

– И как вам Малыш? – с живым интересом спросила Нина.

Я поморщилась:

– Ужасно.

– Почему? – не успокаивалась Нина.

– Я не очень люблю рок в исполнении российских певцов, – призналась я. – Вот Мик Джаггер – совсем другой уровень. У нас, к сожалению, исполнители придумывают странные направления – рок-попс, рэп-рок, осталось только изобрести русский народный рок и петь его вместе с хором в кокошниках. Или выступать с военным оркестром, это будет Калашников-рок. Правда, у Малыша хотя бы музыкальный слух есть. Я закончила Консерваторию и, на свою беду, всегда улавливаю фальшь.

– Что же вас оттолкнуло от Малыша? – спросила Нина.

– Для начала – внешний вид. Он вышел на сцену в кожаных плавках и жилетке на голое тело, на шее татушка в виде красной змеи, да и руки-ноги почти полностью раскрашены. Длинные черные сальные волосы, лицо закрыто маской от лба до подбородка. Остальные члены группы вырядились в немыслимые рваные комбинезоны. А текст песен состоял сплошь из нецензурных слов. Под самый занавес на сцену выбежали девушки в одних стрингах, барабанщик стал поливать их шампанским из огромной бутылки. Зрители, сплошь подростки, бесновались, милиция еле-еле сдерживала толпу, меня замутило.

Я спросила по дороге домой у Кирюши:

– Отчего Малыш не открывает лица?

Мальчик объяснил:

– Это пиар-ход. Журналисты давно ломают голову, он один или Малышей несколько!

– Человек-невидимка, – возвестила Лиза, – о нем ничего не известно. Представляешь, он не первый год выступает, но никому не дал интервью, в Интернете о нем чего только не пишут, а он не реагирует. Фанаты ни разу не смогли Малыша после концертов подловить, ждут его у служебного выхода, стоят до утра – нет рок-звезды.

– Ни его имя, ни фамилия, ни возраст, ни внешность неизвестны, – перебил ее Кирюша, – думаю, певцов несколько, они меняются.

– Не, он один, но, наверное, не сам поет, небось изуродован, вот и не показывает лица, – предположила Лиза. – Заячья губа или родимое пятно от лба до подбородка.

Нина выпрямилась.

– Все неправда! И пел он сам, и тексты, и музыку сам писал, и внешне красавец!

– Вы фанатка Малыша? – засмеялась я.

– Я его жена, – ответила Нина, – вернее, вдова. Малыш недавно скончался, но о его смерти не объявляли, для слушателей он просто исчез.

У меня запершило в горле. Откашлявшись, я осторожно посмотрела на собеседницу.

– Кажется, я ослышалась. Вы...

– Я много лет прожила с Константином Львовичем. Он концертировал под именем Малыш, – уточнила Нина.

От неожиданности я ляпнула бестактность:

– Вам немало лет, а Малыш активно концентировал, пел по два-три часа без отдыха.

– И что? – вскинула брови Нина. – Мику Джаггеру шестьдесят с хвостиком, а он ездит в мировые турне. Дело не в возрасте, а в творческом потенциале, у Малыша его было через край. Он скончался в полном расцвете сил, не успев написать своих лучших песен, а я... я... так мучаюсь... понимаете...

Нина втянула ноги на кресло.

– Наши дети… Соня и Лида… они… Господи, мне не с кем поделиться, ни одной задушевной подруги за всю жизнь не завела.

– Мама! – прозвучал с порога командный голос.

Нина вздрогнула, села, словно английская королева перед телекамерой, и испуганно сказала:

– Лидочка? Ты меня ищешь?

– Полагаешь, у меня есть вторая мать? – сказала девушка, вошедшая в библиотеку. – Что ты здесь делаешь?

– Книгу читаю, – покорно отозвалась родительница.

– Отдыхать лучше в номере, пошли, – приказала Лида.

– Разреши познакомить тебя с Евлампией, – вспомнила о приличиях Нина.

Лидочка светски заулыбалась:

– Рада встрече.

В полумраке библиотеки девушка показалась мне совсем юной, но одета она была, как взрослая дама. Шелковый костюм с юбкой ниже колена, в ушах бриллиантовые серьги, на пальцах кольца, волосы тщательно уложены в высокую прическу. Вместе с дочерью Нины в комнату вплыл тонкий аромат дорогих духов.

– Очень приятно, – кивнула я, – мы с вашей матушкой беседуем о современной музыке.

– Евлампия играет в оркестре на арфе, – объяснила Нина.

– О! Восхитительно, – воскликнула Лида, – мы обожаем классику и не понимаем современных, ужасных какофоний!

– Да, да, да, – бормотала вдова Малыша.

Дочь буквально выдернула мать из кресла.

– Пойдем погуляем!

– Замечательная погода, – высказалась я.

– Прелестное солнце, – подхватила Лида и слегка толкнула Нину в бок.

– Редкое лето для Подмосковья, – мигом подала реплику та.

Я приняла пас:

– Упоительный воздух.

– Мамочка, ты хочешь съездить в Ларюхино? – промурлыкала Лида. – Лично меня развлекают сельские магазины.

– Отличное предложение, – согласилась Нина.

Еще минуты две мы жонглировали ничего не значащими словами, а затем Лида увела мать. Несмотря на продемонстрированное знание светских приличий, девушка не позвала меня на променад.

Я выбросила из головы мысли о Лиде и начала осматривать полки, радуясь богатому выбору. Хозяйка «Виллы Белла» снобом не была: наряду с русской и зарубежной классикой я нашла много детективов, фантастики и фэнтези, на столах кипами лежали глянцевые журналы.

– Вы Евлампия? – пропел тихий голосок.

От неожиданности я выронила том Агаты Кристи и обернулась. По ковру, заглушающему звук шагов, ко мне приближалась девушка, похожая и одновременно непохожая на Лиду.

На незнакомке тоже был шелковый костюм розового цвета и эксклюзивные драгоценности, но прическа оказалась другой – распущенные волосы до плеч. На лице – приветливое выражение, ни малейшей настороженности.

– Я Соня, – представилась красавица, – Лида вас очень точно описала, сказала: фигура у музыкантши – хоть сейчас на подиум.

Меня охватило смущение: я неправильно реагирую на комплименты. И фальшь, и искренность в этом случае вызывают у меня одну и ту же реакцию. Сначала хочется спросить: «Простите, вы это все обо мне?», а потом, опустив уши и поджав хвост, отползти подальше в сторону.

– Евлампочка, милая, – нежно сказала Соня, – Лида сказала, что вы подружились с нашей мамой?

– Это слишком сильно сказано, мы всего лишь случайно разговорились в библиотеке, – ответила я.

– Может, присядем? – предложила Соня и опустилась на диван, я заняла место в глубоком кресле.

– Давно вы приехали? – спросила Соня.

– Вчера, а вы?

– На днях, на три месяца.

– Я только на четырнадцать дней.

– Тут ужасная скука, – сморщила носик Соня, – но у нас в доме ремонт. Поселок, где стоит наш особняк, находится в пяти минутах езды от Ларюхина, и Вадиму, мужу моей сестры, легко контролировать отсюда прораба. Этого беса невозможно оставить ни на час, жуликоватый тип. Сначала мы хотели дом снять, но владельцы не соглашаются на малый срок, сдают на год, еще охотнее на два. Квартиру в Москве мы даже не рассматривали, у мамы не очень хорошее здоровье, ей необходим чистый воздух, а не взвесь из тяжелых металлов. Уж простите, Евлампочка, за эту беседу… ну… э…

– Будьте откровенны, – предложила я.

– Наша мама – сумасшедшая, – выпалила Соня.

Глава 5

– Психиатрическая больная? Состоит на учете? – уточнила я.

Соня горестно вздохнула.

– Мы лечим ее у частного специалиста.

– Мне Нина показалась совершенно адекватной.

– В этом-то и проблема, – кисло сказала Соня, – общается она нормально, глупостей не говорит, читает, смотрит телевизор, гуляет. Но! Представляете, мать всем сообщает, что она вдова рок-музыканта Малыша, небось и вам успела наплести.

Я в упор посмотрела на Соню, но ничего не сказала.

Девушка вынула из кармана костюма кошелек и раскрыла его.

– Видите фото? Это мой папа.

Наверное, Сонечка очень любила отца, раз носит при себе его снимок. Ничего особенного в мужчине я не заметила. Коротко стриженные волосы, очки, галстук, костюм, твердо сжатые губы и тяжелый взгляд небольших глаз.

– Похож он на Малыша? – не успокаивалась Софья.

– Нет, – призналась я, – хотя откуда мне знать? Лицо певца всегда скрывала маска!

Соня убрала бумажник.

– Папу звали Константин Львович Пронькин. Он имел экономическое образование, был гениальным финансистом. Это я вам сейчас не как дочь говорю. Сама работаю в банке, многое понимаю, и, поверьте, отец был одним из лучших специалистов не только в России, но и в мире.

Мне захотелось обнять Соню и сказать, что я-то хорошо понимаю, какая тоска поселяется в душе после смерти любимого отца. Но, естественно, я сдержала неуместный порыв.

– В девяностых годах папа основал банк, – вводила меня в курс дела Соня, – сейчас он уверенно держится на плаву. Я заведую отделом кредитования, Лида занимается операциями на рынке. Ее муж Вадим – вице-президент и управляющий в одном лице. Папу великолепно знали в финансовых кругах, у него не раз брали интервью журналисты. Правда, он терпеть не мог публичности, всегда старался подсунуть корреспондентам своего пресс-секретаря, но порой приходилось самому отвечать на вопросы. Ну и при чем здесь Малыш?

– Странная фантазия появилась у Нины, – удивилась я.

Соня закатила глаза.

– Ну, если разбираться до конца, то это вполне объяснимо. Мама происходит из семьи священника, она пятая среди девятерых детей. Дедушка Олег был до жестокости строг с дочерьми, его жена умерла при родах десятого ребенка. Представляете, каково иметь на руках столько девочек? Отец решил, что они все без исключения обязаны служить богу, воспитывал бедняжек, как дрессированных собачек. Ап – села, ап – встала. И никто не посмел ослушаться его, все пошли по избранному для них пути. А вот мама! Она встретила папу и удрала с ним. Дед ее проклял, приказал сестрам никогда не общаться с Ниной, и те послушались. Мама никогда более не видела родственников.

– Ваш рассказ не объясняет увлечения Нины Малышом. Наоборот, ей, получившей строгое воспитание, следовало не восторгаться, а возмущаться поведением отвязного хулигана на сцене, – заметила я.

– У мамы выдающиеся музыкальные способности, – с горечью сказала Соня, – великолепный слух, ангельский голос. Знаете, где они с папой познакомились? В церкви.

– Ваш батюшка посещал храм?

Соня закинула ногу на ногу.

– Отец был атеистом, а вот его мать, никогда не виденная нами бабушка, была верующей. Когда она скончалась, отец пошел заказывать поминальную службу, услышал солистку церковного хора и влюбился, не видя ее лица.

– Рождественская история, – бормотнула я.

– Сказка, – вздохнула Соня, – мама тоже потеряла голову. Через очень короткое время после первой встречи она сбежала из дома к Константину.

– Отважный поступок для покорной дочери священника!

– Мама понимала, что полностью отрезает себе путь назад, – кивнула Соня, – но любовь! Ее всегда тянуло к людям искусства, она пишет пьесы для домашних спектаклей, сама ставит их, о ее постановках ходят легенды, гости на них рвутся табунами. Увы, мама обожает современную, ужасную музыку! Вы не поверите, если я расскажу, что она летала в Англию на фестиваль рок-музыкантов? Думаю, когда внезапно умер муж, перед которым она преклонялась, у нее помутилось в голове. Отсюда и басня про Малыша.

Я кивнула. В этот момент мне больше всего на свете хотелось остаться наедине с книгой.

Соня встала.

– Извините маму. Она не агрессивна, даже чересчур добра, никому не способна причинить зла, нас с Лидой очень любит. Какие спектакли на Новый год устраивает! Сама репетирует с актерами, у нее получается лучше, чем в театре. Вся в заботах о домашних. Но психика сыграла с ней дурную шутку. Буду очень вам благодарна, если вы никому не расскажете о нашей семейной проблеме.

Когда девушка ушла, я быстро выхватила с полки выбранный том, вернулась в номер, удобно устроилась на диване и решила насладиться романом неизвестного писателя Вульфа под интригующим названием «Правда всегда видна». Поскольку книга стояла в разделе детективов и на обложке был изображен окровавленный кинжал, я решила, что заполучила интересный криминальный триллер, но, прочитав первую главу, сообразила: это научно-популярное издание. Нынче в магазинах полно всяческих пособий на разнообразные темы. «Как выйти замуж за миллионера», «Что съесть, дабы похудеть», «Воспитание подростков и щенков питбулей», «Как общаться со свекровью и не помышлять об убийстве», «Есть ли жизнь после свадьбы» – вот несколько названий брошюр, которые я обнаружила в местной библиотеке. Следовало пойти и поменять книгу.

Но меня охватила лень. Сидение в луже подействовало расслабляюще, не хотелось шевелить ни рукой, ни ногой, и я продолжила чтение. Через час, с трудом оторвавшись от книги, я решила непременно отксерокопировать текст, а еще лучше попросить Аллу продать мне томик. Неизвестный мне Вульф утверждал, что о человеке нужно судить не по его словам и делам, а по внешнему виду и привычкам. Цвет одежды, ее фасон, длина юбки, ширина брюк, глубина выреза, форма воротника, пуговицы, сумки, ботинки – все имеет значение. Особый раздел был посвящен аксессуарам и украшениям, две главы – прическам и макияжу.

Я перелистала страницы. Ба, да сколько здесь о поведении: курение, алкоголизм, наркомания, болезненная аккуратность, болтливость… А еще даны тесты. Ну-ка найду соответствующий мне. Так! Хрупкая блондинка с короткой стрижкой, не конфликтна, в меру аккуратна, любит животных, хорошо знает музыку, играет на арфе, увлекается готовкой, в основном носит удобную одежду, не пользуется косметикой… всего около ста вопросов, на которые я легко ответила и узнала, что принадлежу к типу номер сорок восемь. Стало еще интересней, когда я начала читать пояснение.

«Маленькая девочка скорее попросит обучать ее игре на фортепьяно, скрипке или гитаре. Маловероятно, что она четко представляет себе арфу. С другой стороны, и у взрослых этот инструмент не пользуется сверхпопулярностью. Вывод: в семье был профессиональный музыкант, который распорядился судьбой дочери.

Отсутствие макияжа свидетельствует о хороших отношениях с отцом. Ребенок рос в атмосфере любви, девочка абсолютно уверена: ей не надо приукрашивать себя, ценность человеческой личности не в павлиньем оперении. Короткая стрижка позволяет сделать два вывода: а) вероятно, отец ребенка – военный, б) девочка в детстве много болела, поэтому волосы ослаблены и их следует часто стричь.

Отсутствие успехов у дочери в школе позволяет уточнить профессию отца. Он человек науки, имеющий отношение к армии. Физик, математик, химик, биолог, с погонами на плечах. Обычный армейский лейтенант или капитан будет наказывать дочь за тройки. Интеллигенту же свойственно не давить личность. Если учесть, что материальное положение семьи выше среднего, можно сделать вывод – отец имел ранг не ниже полковника, с большой долей вероятности – он генерал».

Я прижала книгу к груди. Моя мама пела в оперном театре, после рождения дочери простилась со сценой и посвятила себя ее воспитанию. А папа, доктор наук, профессор, академик, работал на оборону, занимался ракетами, точнее не скажу, служба генерала Романова была окутана ореолом тайны. Пока все сходится. Что там дальше?

Брак по настоянию матери… развод… разрыв с прошлым… Этот Вульф потрясающе точно изложил мою биографию, опираясь только на внешний вид! Кое-какие умозаключения автора показались мне странными, другие абсурдными, но выводы-то верны. Вульф, как учебник геометрии, оперирует аксиомами. Математик не станет мучиться вопросом, по какой причине прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками, он просто знает, что это утверждение верно. Вот и Вульф пишет: «Фиолетовый цвет юбки свидетельствует о желании изменить свою судьбу». Почему? Это уже за гранью понятного. Я нежно погладила книгу. Ни за что не расстанусь с уникальным произведением, оно может помочь мне в работе.

Продолжить чтение не дал стук в балконную дверь, сначала еле слышный, потом громкий. Я приблизилась к стеклянной створке и увидела Нину.

Можно было не заглядывать в волшебную книгу, чтобы понять – моя новая знакомая находится в состоянии тревоги. Вместо элегантной одежды на ней был голубой халат, лоб перехватывала тугая повязка, волосы торчали, как пакля, а на ногах красовались уютные тапочки с помпонами, только левый оказался на

правой ступне, и наоборот.

– Что-то случилось? – заволновалась я, впуская даму.

– Евлампия, – зашептала Нина, – тише. Я соврала детям, что у меня мигрень разыгралась, вот они и оставили меня в покое. Но в любую минуту могут зайти проведать. Времени мало! Выслушайте меня!

Я указала на кресло.

– Устраивайтесь поудобнее.

Нина утонула в подушках.

– Соня уже сообщила вам о моем сумасшествии?

– Да, – кивнула я и осеклась, – простите.

– Ничего, – отмахнулась Нина, – отбросим церемонии, надо успеть вам все объяснить. Я на самом деле супруга Малыша и нахожусь в здравом уме и твердой памяти.

– Соня показывала мне фото отца и называла его Константином Львовичем Пронькиным, – робко сказала я. – Лысый такой дядечка в костюме с галстуком, рок-певец из него как из меня фея.

Нина обхватила плечи руками.

– А вы, глядя на меня, можете представить, что я пишу пьесы для домашних спектаклей? Причем пользуюсь ноутбуком. Внешность обманчива, и возраст не помеха ни для овладения компьютером, ни для сцены. Малыш никому не открывал своей личности. Он был гениальным музыкантом, мы познакомились случайно, очень давно, в церкви. Мой голос показался ему ангельским.

Глаза Нины приняли мечтательное выражение, полился рассказ.

Костя, случайно оказавшийся в храме, подошел после службы к регенту и спросил, кто солировал в хоре. Тот указал на Нину, Пронькин бросился за девушкой.

– Я пишу музыку, ты гениальная исполнительница, тебе место в оперном театре.

Нина без стеснения ответила:

– Я хотела учиться, но отец не позволил.

Константин предложил прогуляться, девушка неожиданно согласилась, а через три дня сбежала из дома и поселилась с парнем. Нина ушла практически голой, в том, в чем была, взяла только паспорт. Священник-отец рвал и метал, даже обратился в милицию, но там ему живо объяснили: дочь совершеннолетняя, имеет право распоряжаться своей судьбой по своему усмотрению.

Все богатство жениха составляла однокомнатная квартира в Люберцах. У Нины не было даже второй пары белья. Отец разрешил ей окончить только девять классов, а потом отправил в училище, где готовили художников и прочих мастеров для церкви. Руки у Нины оказались пришиты не к тому месту: она так и не овладела иконописью и золотошвейным мастерством, не научилась реставрировать старинные книги и документы.

Отец часто бранил бесталанную дщерь, а Нина иногда робко просила:

– Батюшка, позвольте мне в хоре петь.

Олег Серафимович злился и отвечал:

– Хочешь пением баловаться? Это дьявол тебя искушает. Делать надобно то, что родитель приказывает. Человек создан для труда, а не для греха.

Спустя некоторое время церковнослужитель сдался. Ох, видно, не зря Олег Серафимович противился пению дочери, может, провидел будущее?

Полюбив Костю, покорная дочь священника кардинально изменилась. Они с мужем начали выступать на свадьбах, днях рождения, пытались заработать

пением. Но в конце концов Пронькин на эту затею плюнул. У них появились две дочки, их нужно было кормить и одевать, и отец вспомнил о своем экономическом образовании.

В начале девяностых Косте удалось создать банк. Предприятие оказалось успешным, в семье появились сначала небольшие, потом большие, следом огромные деньги. В двухтысячном году Пронькин, несмотря на свой капитал, загородный дом, отсутствие финансовых проблем и крепкую семью, затосковал. Он и раньше порой впадал в депрессию, и даже обрадовался дефолту – это слегка взбодрило финансиста, но Костя не потерял денег и совсем сник. Нина беспокоилась о муже, старалась его расшевелить, но на все предложения жены он отвечал:

– Это скучно.

Банкир не хотел путешествовать, не увлекался спортом, охотой, рыбалкой, был равнодушен к автомобилям, молодым девушкам и всяким модным религиозным течениям. Пронькин стал придираться к детям и, вот уж невиданное дело, покрикивать на жену. Нина вызвала невропатолога, специалист прописал мужу таблетки, но Костя вышвырнул их в помойку со словами:

– Не фиг из меня психа делать!

Чтобы хоть как-то растормошить мужа, Нина купила билеты на концерт. Она плохо знала эстрадных исполнителей, поэтому приобрела вип-места на выступление группы «Крабс». Некогда парни были очень популярны в Америке, потом их смыло из чартов волной молодежи, но в России «Крабс» до сих пор наивно считают яркими звездами.

Когда четверо дедушек ударили по гитарным струнам и заколотили в барабан, Нина нервно поморщилась. Она не знала репертуара «Крабс», ожидала услышать пение в стиле Сальваторе Адамо, Джо Дассена, Хулио Иглесиаса, на худой конец Адриано Челентано. Но старички играли рок. Надо отдать им должное, музыкальные мумии завели зал, зрители ринулись на танцпол. Нина разинула рот, увидев Костю вместе с тинейджерами около сцены. Размахивая над головой пиджаком от Бриони, швырнув на пол галстук, за который в бутике запросили полторы тысячи евро, расстегнув до пупа рубашку, сшитую по индивидуальному заказу в Швейцарии, Костя отрывался так, что подростки

поставили его в центр круга и начали ему аплодировать.

Мужчина не первой молодости, исполнявший безумные танцы, привлек внимание солиста «Крабс». Американец наклонился со сцены и спросил Костю:

– Эй, хочешь к нам?

– Спрашиваешь, – заорал банкир, великолепно владевший английским, и его моментально втянули на помост.

Гитары заиграли одну из культовых песен группы.

– Слова знаешь? – прищурился солист. – Начинай!

И Костя запел. Нина ахнула. Мощный голос мужа не изменился со времени молодости, от сцены пошла такая волна энергетики, что зал замер, а потом взвыл в восторге.

«Крабс», ошалев, смотрели на русского, который оказался лучшим исполнителем, чем они.

– Ну, дальше, – потребовал Костя, когда песня закончилась. – Лабаем следующую. Гоу, парни!

Глава 6

С концерта Костя ушел другим человеком. Нина только изумлялась, видя, как муж уносится в восемь утра на работу, а прискакивает домой около полуночи. Через полгода жена не выдержала и стала задавать вопросы.

Константин отделывался общими фразами, а в ноябре он принес два билета на выступление певца Малышева.

Нина отреагировала на приглашение кисло.

– Зачем тащиться в клуб на окраине, чтобы послушать никому не известного исполнителя?

Костя обнял жену.

– Я решил заняться продюсерством, парень показался мне перспективным. Хочу услышать твое мнение. Вдруг овчинка выделки не стоит!

До места концерта супруги добирались порознь, Костя не мог сбежать с совещания, он даже предупредил жену:

– Я наверняка опоздаю, ты не волнуйся, сиди спокойно в зале.

Внешний вид Малышева не пришелся Нине по вкусу. Маска, закрывавшая лицо, показалась ей пошлым пиар-ходом, но голос заставил вздрогнуть. Исполнитель легко завел зал, зрители, большинству из которых едва исполнилось восемнадцать, безумствовали в проходах.

Когда до завершения действа остались считаные минуты, к Нине подошел парень в черном костюме и шепнул:

– Пойдемте за кулисы, провожу вас в гримерную.

Когда певец вошел в раздевалку, Нина укоризненно сказала:

– Ты с ума сошел!

Костя снял маску.

– Черт! Узнала!

Жена протянула ему полотенце.

– Полагаешь, я дура?

Супруг рассмеялся.

– Если только совсем чуть-чуть! Моя жизнь пошла не по той колее, хорошо, что я успел опомниться. Я теперь фронтмэн группы, тексты и музыка мои, уже договорился о выступлениях.

– Это безумие, – покачала головой Нина. – Едва в прессу проникнет информация о банкире, который прыгает на сцене, как народ ринется изымать вклады из банка.

– В молодости ты была решительней, ушла из дома, бросила отца, пела в ресторанах, – напомнил супруг.

У Нины не нашлось возражений, Костя же бодро сказал:

– Я буду един в двух лицах, никто ничего не узнает.

Можете не верить, но Косте все удалось. Фанаты, сократив фамилию Малышев, дали Пронькину прозвище «Малыш», и скоро певца стали именовать исключительно так.

Нина умолкла, сняла с шеи цепочку с кулоном и открыла крышку. Это оказался медальон, внутри которого была фотография.

– Вот мой муж, – сказала Пронькина, – это украшение и серьги Костя подарил мне на годовщину нашей свадьбы. Комплект очень дорогой, был заказан у ювелира с мировым именем. Эксклюзивная работа, платина, бриллианты и изумруды редкой чистоты, даже боюсь предположить, сколько подарок стоил. Но Константин Львович всегда, даже в самые наши бедные годы, дарил мне удивительные вещи. Видите, какое у него лицо? Сразу понятно, это редкий человек. Костя был разносторонне одарен, он поднял банк, а потом как певец ухитрился взлететь на первые позиции в чартах. А таинственность лишь увеличила интерес слушателей. Парик с длинными черными волосами, глаза, сверкавшие в прорезях маски, скрывали голубые контактные линзы, татуировки рисовались и смывались после концерта. Никто из знакомых не узнал бы в Малыше банкира Пронькина. С певцом работал узкий круг посвященных, всего пять человек: гример-костюмер и одновременно водитель Володя, трое музыкантов и звукооператор. Все получали такие деньги, что были готовы

молчать даже под пытками, но и им Костя не сообщил свое настоящее имя. Коллеги думали, что имеют дело с Петром Малышевым. А Костя никогда не забывал, идя на репетицию или уезжая на гастроли, надеть линзы и большие очки. Стекла были простые, но тяжелая темно-коричневая оправа отлично маскировала лицо.

– Неужели дочери не догадывались? – с сомнением спросила я.

– И зять тоже, – удовлетворенно сказала Нина. – Костя говорил, что увлекся японскими шашками, проводит вечера в клубе «Го», а когда предстояли гастроли, не моргнув, заявлял: «Лечу в командировку». У девочек была своя жизнь, отец привлек их к семейному бизнесу, но сумел сохранить дистанцию в отношениях.

– А теперь Лида с Соней называют вас сумасшедшей. А что случилось с вашим мужем?

Нина стиснула кулаки.

– Ужасно! Внезапный инфаркт. Костя скончался после ужина, абсолютно неожиданно.

– И вы захотели рассказать людям правду о Малыше? Решили обеспечить мужу посмертную славу? – догадалась я.

Нина кивнула:

– Точно. Но Лида с Соней отреагировали на это странно. Сначала вызвали психиатра, стали пичкать меня таблетками, теперь не отходят ни на шаг!

– Чем же я могу вам помочь? – задала я главный вопрос.

Нина судорожно зашептала:

– Евлампочка, помогите мне бежать! Денег у меня куры не клюют. Нуждаться я никогда не буду. Но мне страшно! Очень!

– Не волнуйтесь, – попыталась я успокоить даму, – забудьте об идее посмертной славы, перестаньте говорить о Малыше, и вас сочтут выздоровевшей. Хотя, я уверена, Лида с Соней никогда не поместят вас в психбольницу. Похоже, дочери вас любят.

В глазах вдовы банкира появилось отчаяние.

– Евлампочка, найдите мне квартиру. Я лишена возможности действовать сама, дети не выпускают меня одну из дома, грозятся заморозить мои счета.

Я решила кое-что выяснить.

– Бежать в такой ситуации глупо. Кому принадлежит капитал?

– По завещанию мужа – мне, – поникла Нина.

– Действуйте через адвоката, – твердо сказала я, – припугните детей судебным процессом. Средства ваши, вы легко лишите дочерей и зятя не только денег, но и работы.

– Я так не могу, – прошептала Нина, – а они меня изолировали, лишили возможности общаться с людьми. Едва я с вами познакомилась, как Лида меня увела, а Соня вам солгала. Евлампочка, я даже подруг не имею, вся надежда на вас! Я оплачу любые расходы! Хотите шубу? От Елены Ярмак! Эксклюзив!

Чем дольше Нина говорила, тем яснее я понимала: бедняжка крайне взволнована. Ну зачем бы даме в возрасте выдумывать сказку про брак с рок-кумиром? Будь Нине пятнадцать лет, я бы только посмеялась, но госпожа Пронькина человек взрослый, очень богатый, и в ее кругу иметь отношение к шоу-бизнесу не престижно.

– Меня убьют, – вдруг с отчаянием заявила собеседница, – моя жизнь висит на волоске! Костю на тот свет отправили, я следующая! Пожалуйста, раздобудьте мне автомобиль! Ночью все заснут, а я убегу! Умоляю! Уеду куда глаза глядят! Господи, и я их любила!

– Но вы сказали, что Константин умер от инфаркта, – не вытерпела я.

Нина осеклась и вскочила:

– Вы мне не верите! Забудьте обо всем! Нет у меня никаких проблем! Сейчас я глупо пошутила!

Я попыталась успокоить трясущуюся то ли от страха, то ли от нервного напряжения Пронькину:

– Погодите!

Но Нина уже торопилась к балконной двери. Открыв ее, она вдруг произнесла:

– Евлампочка, у вас лицо доброго человека и глаза без хитрости. Дай вам господь не знать, какова настоящая любовь. Это вовсе не светлое чувство, а гиена с огненной пастью, приносит лишь мучения. Никогда никого не любите! Меня убьют мои дети! Я знаю! Не спрашивайте, откуда. Они сумеют, как всегда, выйти сухими из воды. Они просто меня убьют.

Высказавшись, Пронькина ступила на лоджию, я выглянула ей вслед и поняла, что балкон опоясывает все здание, на него выходят двери всех номеров. Странное решение для лечебницы, но, наверное, архитектор предполагал, что богатые люди не станут лазить в чужие комнаты, чтобы украсть часы или кошельки постояльцев.

Дав себе честное слово тщательно запирать на ночь не только дверь из коридора, но и на балкон, я переоделась и отправилась на ужин.

Вступать в контакт с кем-либо из постояльцев мне не хотелось, поэтому столик я выбрала в самом углу. Не успела официантка принести заказ, как в зал вошел Максим и, не колеблясь, направился в мою сторону.

– Это я! – весело сообщил он, усаживаясь на стул. – Что можно схавать в качестве вечерней трапезы?

Я опустила глаза в тарелку и начала аккуратно отделять филе рыбы от костей. Максима не смутило мое нежелание поддерживать беседу.

– Сибас? – стал гадать он. – Дорадо? Морской черт? Это вкусно? Советуешь мне попробовать?

Я пожала плечами. Нахал поманил официантку:

– Киса, неси рыбку, бутылочку красного вина…

– Может, белого? – остановила его девушка.

– Не люблю, – откровенно признался наглец. – Поэтому, наплевав на правила хорошего тона, мы будем пить… вот… Шато д’Экос, год подходящий. Сомелье здесь есть?

Официантка улыбнулась.

– Конечно.

– Не стоит его звать, сами будем пробовать, а на десерт… м… м… Котя, ты диету держишь? Ау, котик!

– Вы ко мне обращаетесь? – процедила я сквозь зубы.

– За тебя волнуюсь! Фигуру бережешь?

– Нет, – севшим от злости голосом ответила я, – мне абсолютно плевать на объем талии и бедер.

– Это по-нашему, – щелкнул пальцами Максим. – Тэкс… Подай нам, киса, тирамису. Надеюсь, повар сам десерт готовит, а не вытаскивает замороженный полуфабрикат из холодильника.

– У нас кондитер-итальянец, – сообщила официантка.

– Пронто, киса, – распорядился наглец. – Всего, как понимаешь, по две порции.

После меню внимание Макса переключилось на меня:

– Шикарная погода, не находишь?

– М-м-м, – бормотнула я.

– Упс, тема не подходит. Как тебе сериал «Секс в большом городе»?

– Не смотрела.

– Снова мимо. Сама скажи, чем интересуешься?

– Чисткой автомата Калашникова, – прошипела я. – Очень уважаю стрельбу по летающим хамам!

– Я тебе совсем-совсем не нравлюсь? – пригорюнился Макс. – Болезненный пинок по мужскому самолюбию! Кстати, я холост и богат!

– Вы же шофер! – ехидно напомнила я. – Простой водитель-трудяга, нацепивший к ужину пиджак от Вивьен Вествуд и новые часы за нереальные бабки.

Максим вытащил из кармана пачку сигарет.

– Ну извини, я идиот! Мне постоянно кажется, что бабы на мои деньги клюют, вот и решил прикинуться богачом. Согласен, получилось глупо. Давай дружить?

– Успокойтесь, – пробурчала я, – мне своих средств хватает. Зачем напрягаться? К вам сейчас девушка придет, получится неудобно.

– Девушка? – вытаращил глаза Максим. – Я не живу с девушками.

Я с силой воткнула вилку в ни в чем не повинного сибаса.

– Не любите слабый пол – рулите в противоположный угол, там сидит гламурный юноша, похоже, он лишился аппетита от одиночества.

Максим потер затылок.

– Что ты злишься?

Я швырнула на стол приборы.

– Чего вы ко мне пристали?

– Честно? Приударить за тобой решил! Ты такая красотка! – горячо заявил наглец. – Чем я тебе не по вкусу?

– Не люблю людей, которые называют официантку «киса», – отчеканила я. – И вы заказали два десерта и бутылку вина, значит, ждете спутницу!

– Мимо! – усмехнулся Максим. – Десерт и выпивка для нас!

– Я ничего не просила!

– А я хочу тебя угостить!

Я приоткрыла рот, чтобы конкретно отправить Максима в далекое пешее путешествие. Но именно в эту секунду к столику подошла официантка и начала ставить на скатерть хлеб, масленку, соль, перец...

– Киса, – обратился к ней нахал, – тебя как зовут?

– Света, – тут же состроила ему глазки глупышка.

– А по отчеству? – не успокоился Максим.

– Николаевна, – сильно нажимая на «а», произнесла официантка.

– Уважаемая Светлана Николаевна, – торжественно объявил мой незваный товарищ. – Торжественно клянусь, что более не позволю себе фамильярно называть вас кисой. Это неприлично и унижает ваше достоинство.

– Унижайте, коли хотите, – захихикала Света. – Исполню любой каприз за ваши деньги. Пообещаете хорошие чаевые – джигу сплясать могу.

– Уважаемая Светлана Николаевна… – снова завел идиот.

– Прекрати! – велела я.

– О! Мы уже перешли на «ты»! Отношения развиваются в правильном направлении! Но мужчину нельзя дезориентировать, перегреются предохранители. «Киса» тебе не нравится, «Светлана Николаевна» не подходит! Я в смятении! Короче, милейшая девушка, унеси на фиг масленку с булкой, этот дуэт никто употреблять не хочет!

И вот тут моя злость достигла точки кипения.

– Оставьте! Я люблю масло!

Света подмигнула мне и исчезла.

– Никогда не видел девушек, которые хавают батон с холестерином! – уверенно произнес Максим. – Вторичный половой женский признак – не жрать маслице.

Трясясь от негодования, я схватила белый ломоть, намазала его толстым слоем вологодского, демонстративно откусила кусок и забубнила с набитым ртом:

– Я не такая, как все! Не нуждаюсь ни в кавалерах, ни в деньгах, ни в полезных знакомствах! Я ем продукты из сливок, не сижу на диете, не обращаю внимания на чужие машины, не хочу бриллиантов! Я не собираюсь замуж! Я вообще ничего не хочу!

– Тогда ты мертвая, – подвел итог Максим, – труп под электротоком. У живого человека всегда есть мечты!

Следовало отгрызть от бутерброда новую порцию, но я терпеть не могу хлеб с маслом и соорудила себе сэндвич, исключительно чтобы поступить наперекор Максиму.

– У меня много желаний, – возмутилась я, – и одно из них сейчас исполнится.

– Какое? – обрадовался он. – Давай я поработаю волшебником: цветы, шампанское, конфеты, корзина фруктов?

Я положила на стол салфетку.

– Не заработай панкреатит, уничтожая два тирамису! А мне пора в номер, надеюсь от тебя избавиться.

Максим протянул мне сигареты.

– Погоди секунду!

– Не курю, – ответила я.

– Сделай одолжение, открой пачку, я палец порезал, – жалобно попросил он.

Я схватила картонную коробочку.

– Эй, погоди, – шепотом произнес навязчивый кавалер, – видишь вон ту мадам, в брюликах ценой со стабфонд России?

– Ну? – напряглась я.

– Она чай размешивает, – хохотнул Макс.

– Эка невидаль, многие так делают! – Я не усмотрела в поведении отдыхающей ничего необычного, но тут же ощутила толчок под столом.

Максим приложил к губам палец.

– Ш-ш-ш… Сейчас начнется… ну… ну… не слепая же она!

– А-а-а-а, – истошно завизжала тетка, – а-а-а!

– Что? Что? – кинулись к ней метрдотель и официанты.

– Таракан! – вопила дама в бриллиантовых серьгах. – Таракан! Там!

По залу пробежал смешок.

– Люсенька, – окликнула возмутительницу спокойствия женщина, сидевшая за соседним с нашим столом, – таракан не тигр, он тебя не съест!

– Сволочи! – метала гром и молнии Люсенька. – Где Алка? Подайте ее сюда! В чае тараканы! Гадость! Жуть!

Публика залязгала крышечками серебряных заварных чайничков, все явно проверяли свои напитки.

– Витя! Витя, – надрывалась Люся, – ну где ты?

– Здесь, а что случилось? – бодро спросил полный мужчина, не спеша вплывая в столовую.

Дама за соседним столиком неожиданно подмигнула мне и, понизив голос, сказала:

– Витя, наверное, подумал, что Люсенька увидела у кого-то более дорогие брюлики и сейчас умрет от огорчения!

– Таракан... чай... там, – путано объясняла Люся мужу, – немедленно купи эту «Виллу Белла», выгони всех и наведи порядок!

Но Витя и не думал волноваться.

– Дорогая, – спокойно перебил он красную от злости супругу, – можно обойтись более дешевым решением. Сейчас я распоряжусь, и завтра с утра сюда привезут грузовик средства от насекомых, и таракашкам каюк!

Глава 7

Максим прыснул в кулак, у меня появилось нехорошее подозрение.

– Ты знал, что она заорет?

Хулиган лег грудью на стол.

– Сам ей усатого подсунул.

– Фу! Ты его в руки брал, – передернулась я.

– Нет, он пластиковый, – зашептал Макс, – закатан в кусок сахара. Перед ужином я зарулил в ресторан и засунул рафинад в вазочку. Однако мощно сработало!

– Идиот! – не выдержала я. – Теперь гости обозлятся на хозяйку!

– И правильно! Тараканов здесь полно, сам в душе видел, пусть Комбат приобретут! Ты мне сигаретки-то открой, у меня палец нарывает! Наверное, надо врачу руку показать. Ой-ой-ой!

Максим с озабоченным видом стал дуть на палец. Отказать человеку в помощи было неудобно, я взяла упаковку и быстро разодрала хрусткий целлофан.

– Крышечку откинь и вытащи одну штучку, – слабым голосом сказал Максим.

Я, не заподозрив ничего плохого, выполнила его просьбу. Раздался щелчок, затем пронзительный писк, из картонки высунулась плюшевая мышь, завращала круглыми глазами, засучила лапами, открыла рот и проникновенно пропищала:

– Май дарлинг, ай лав ю[2 - Моя дорогая, я тебя люблю!]

До сих пор не могу понять, почему я не заорала, – наверное, от шока у меня случился паралич гортани.

– Прикольно? – заржал Максим. – А ты человек-робот, даже не вздрогнула. Один мой приятель, вскрыв пачку, упал со стула, другой тарелку разбил, а третий так выражался! Слушай, ты часом не в ЦРУ служишь? Видна профессиональная

подготовка. Просто мать Джеймса Бонда!

Вот тут мне стало обидно.

– Мать Джеймса Бонда? Уж лучше скажи: современница динозавров! Большего наглеца, чем ты, я до сих пор не встречала, – выпалила я и попыталась встать.

– Ваша рыба! – зачирикала Светлана. – Плиз! И тирамису! Ой, вы уходите? А десерт?

Я не любительница брани и всегда безукоризненно вежлива с незнакомыми людьми, в особенности из сферы обслуживания, но Максу удалось довести меня до ручки.

– Засунь тирамису себе в задницу! – взвилась я.

– Не могу, – растерялась Света.

– Даже за большие чаевые? – фыркнула я и унеслась прочь.

Чтобы хоть как-то обуздать взбудораженные нервы, я побродила по саду, подышала ароматным вечерним воздухом, испытала резкое чувство стыда и вернулась в ресторан. Перед тем как войти, я осторожно заглянула внутрь, убедилась, что надоеда завершил ужин, и отправилась искать Светлану. Девушка собирала со столиков грязную посуду.

– Извините меня, – сказала я, подойдя к официантке.

Светлана обернулась, на ее круглом личике появилось выражение крайнего изумления.

– За что?

Я начала каяться:

– Нахамила вам по полной программе!

– Не помню, – искренне ответила официантка.

У меня отлегло на душе.

– Правда?

– Вы просто поругались со своим парнем и очень нервничали, – миролюбиво сказала Света, – ерунда, наплюйте!

– Максим не имеет ко мне никакого отношения! Подсел за столик и стал приставать, – объяснила я ей.

Света не сдержала завистливого восклицания.

– Везет вам! На меня вот никто внимания не обращает. Разве на прислугу смотрят? Сиди я за столиком, мигом кавалеры бы набежали.

– Они тут все плешивые, животастые, побитые молью, – улыбнулась я, – зачем вам секонд-хенд? Найдете молодого, симпатичного.

Светлана наморщила нос.

– И чего? У красавчиков нет ни денег, ни ума! Готовь ему, обстирывай, обслуживай и получай в награду упреки и зуботычины. Лучше жить с папиком, деньги из кого угодно Бреда Питта сделают. А вы думаете, Максим вами увлекся?

– Маловероятно, – засмеялась я, – просто тут скучно, средний возраст отдыхающих дам хорошо за пятьдесят, а те, кто помоложе, либо с родителями, либо с мужьями.

Светлана хитро мне подмигнула.

– Когда вы убежали, он вытащил мобилу и спросил: «Как у тебя дела? Успешно? Моя – кремень, даже не улыбается. Вот черт! Ну ничего, время еще есть! На этот раз победа будет за мной!» Не следовало вам рассказывать, но вы первая из клиенток, кто передо мной извинился. Понимаете?

– Не совсем, – протянула я.

Светлана кивнула в сторону большого буфета.

– Давайте отойдем, а то начальница потом прицепится, будет ругать за болтовню.

Я покорно пошла за девушкой, Светлана открыла дверцу громоздкого шкафа.

– Если кто подойдет, сделайте вид, что хотите чаю из особого фрэнч-пресса, английского, с синей помпой. Лады?

Я кивнула, а девушка продолжала:

– Я пятый год по гостиницам служу, навидалась всякого. С позапрошлого лета у мажоров развлекуха появилась. Двое дураков спорят, кто из них быстрее девку в койку уложит. Выбирают объекты из постоялиц – и вперед. Этот Максим на вас поспорил.

– С кем? – обомлела я.

– Зачем это вам? – хмыкнула Света. – Главное, держитесь от него подальше. Или накажите его!

Я безуспешно пыталась обрести спокойствие.

– Как?

Света прищурилась.

– Действуйте его же оружием! Изобразите интерес, пококетничайте, раскрутите его на подарки, а в тот момент, когда он из брюк начнет выпрыгивать, равнодушно скажите: «Котик! Трахаться с тобой мне неинтересно, дома меня ждет страстный мачо, шейх из Дубая, он в моей спальне на стене панно семь на восемь из брюликов выложил. Мы с подругой поспорили, успею ли я тебя раскрутить. Выигрыш мой, ты свободен». Для спорщика это хуже, чем на

Красной площади прилюдно обделаться.

Я сжала кулаки.

– Спасибо за идею. Очень неприятно, когда тебя считают дурой!

Светлана кивнула и закрыла буфет.

Я вернулась в номер, радуясь, что не встретила по дороге Максима. Боюсь, не смогла бы сдержаться и разорвала мерзавца на тряпки. Чтобы успокоиться, я снова взялась за книгу Вульфа и в упоении читала ее до полуночи, затем глаза начали слипаться, и стало понятно: пора спать.

Отчаянно зевая, я пошла в ванную, влезла в уютную пижамку и собралась почистить зубы. Рука открыла кран, но вода не потекла, я снова зевнула и подняла рычаг до упора. Тугая струя ударила в раковину, брызги полетели на меня, байковая курточка и штанишки вымокли вмиг. Издав стон, я вернулась в спальню и свистнула:

– Эй, Робби, сюда!

Чемодан, словно послушная собака, выехал на середину комнаты, прокатился до открытой настежь балконной двери и замер. Процесс переодевания занял минуты, я захлопнула чудо техники и услышала тихий стук. Не подумав о безопасности, я распахнула дверь и чуть не ткнулась лицом в огромный букет роз.

– Прости, я дурак, – послышался из-за «веника» голос Максима, – не хотел испугать тебя мышкой. Глупо пошутил. Можно войти?

Я начала было набирать в легкие воздух и вдруг сказала себе: «Лампа, проучи парня».

– Впустишь? – нетерпеливо спросил Максим.

Я посторонилась:

– Входи.

– Вау! – восхитился мерзавец и стал насвистывать бравурную мелодию.

Я попыталась изобразить опытную кокетку.

– Прекрати свистеть, денег не будет.

– У тебя роскошный люкс, лучше, чем у меня!

– Наверное, я богаче.

Максим заморгал, а меня понесло:

– Очень милый, скромный букетик!

– В нем тридцать три элитные розы, – уточнил соблазнитель.

– Здорово! – кивнула я. – Но я не слишком люблю обычные цветы. Предпочитаю… э… ананасиумы.

– Это что за звери? – поразился Максим и снова засвистел.

– Неужели никогда не слышал? Ананасиумы цветут два дня в году, их привозят в Москву спецрейсом из Гватемалы и продают исключительно олигархам. Обожаю их! Но и за полевые цветочки спасибо, – вкрадчиво промурлыкала я, – и дешевый букетик тоже радует, если он подарен от чистого сердца.

– Умереть не встать, – выпалил Максим.

– Ты так поражен существованием ананасиумов? – ехидно фыркнула я, временно выпав из роли настоящей блондинки.

– Ущипни меня, – сказал гость. – Там, у выхода на балкон, стоял чемодан, а потом он вдруг ушел! Я выпил всего один бокал красного вина! Разгуливающие авоськи мне вроде чудиться не должны.

– Ты свистел! Вот Робби и убежал, – ахнула я и ринулась на лоджию.

– Кто такой Робби? – спросил Максим, следуя за мной.

– Саквояж! – на ходу пояснила я.

– Баул имеет имя? – заржал любитель пари. – А как обстоит дело с одеждой и обувью? Платье откликается на Машу, шпильки на Катю? На чем ты сидишь? Амфетамины? Снежок?

Мысли о планомерной мести испарилась, мне захотелось высказать Максиму всю правду прямо сейчас, в лицо.

– Лучше не зли меня! А то будет хуже!

– Кому? – тоном актера, бездарно изображающего страсть, прогудел наглец. – Я готов страдать до смерти, можем начать сию секунду!

Я возмутилась.

– Ох и надоел ты мне! Ну слушай! Ты нацепил на себя льняной костюм! Почему выбрал столь мнущийся материал? Ответ прост: ты нечистоплотен, пытаешься притвориться приличным человеком, но по своей сути ты придурок. Рубашка-апа[3 - Рубашка с широким, отложным воротником без верхней пуговицы.] выдает владельца с головой: он не ценит общепринятые идеалы. Манера глупо шутить говорит об инфантильности, задержке развития. Делаю вывод: тебе тринадцать лет со всеми присущими этому возрасту проблемами и комплексами. Предположение: я нужна тебе не более, чем яблочный огрызок, ты поспорил с приятелем, кто из вас раньше затащит свою жертву под одеяло. Вот сколько денег стоит на кону, не скажу! Я права, можешь не возражать. Да! Последний штришок. Ты красишь волосы. То ли ранняя седина вылезает, то ли волосы у тебя от природы мышиного цвета. Значит, ты способен легко лгать. Финиш, мне пора искать Робби!

Оставив Максима с отвисшей челюстью приходить в себя, я, прямо держа спину и вздернув подбородок, кинулась за кофром.

За стеклянными дверями номеров царила темнота. То ли мои соседи мирно спали, то ли номера были пусты. Робби я нашла в самом конце, он почти въехал в комнату, располагавшуюся в тупиковой части балкона. Вот в этой спальне явно жил постоялец, он, как и я, решил насладиться свежим воздухом и не запер выход на лоджию.

Я тихо свистнула, чемодан дернулся раз, другой, но не сдвинулся с места. Пришлось подойти вплотную к нему и наклониться. Одно из колесиков зацепилось за небольшой штырек, который придерживал дверь. Минут пять я пыталась поднять Робби, потом поняла, что придется войти в чужой номер и устранить преграду. Система мне хорошо известна, простая и удобная, у нас в Мопсине такая же: нажимаешь ногой на крохотную педальку под батареей, и из пола поднимается железная реечка. При повторном нажатии она уходит в пол.

Из номера не доносилось ни звука.

– Простите, вы отдыхаете? – деликатно спросила я. – Понимаю, это звучит глупо, но мой чемодан приехал к вам и застрял. Можно я освобожу его?

Ответом мне послужила тишина. Я осторожно откинула занавеску и просочилась в номер. Небольшой ночник на тумбочке слабо освещал комнату. Я увидела просторную кровать, гору подушек и холм из одеял. Где-то там, под пуховыми перинами, накрывшись с головой, спала Нина Пронькина. Отчего я решила, что попала именно в ее номер? На кресле висели голубой халат и ночная сорочка. Именно в этой одежде вдова заходила ко мне не так давно. На письменном столе я увидела ноутбук, на тумбочке тикал будильник, рядом с ним были толстая книга, очки, нитроглицерин, в стакане с дезинфицирующим раствором – зубной протез. Будить Нину, чтобы объяснить ей свою проблему, мне показалось глупым. Соблюдая крайнюю осторожность, я опустила стопор, выпихнула чемодан на лоджию, перевела дух, и тут неожиданно порыв ветра захлопнул балконную дверь. Я хотела повернуть ручку и поняла: ее нет.

Не успел мозг адекватно оценить непростое положение, как до моих ушей долетели шорох и странное позвякивание. В холле, который отделял спальню от выхода в коридор, явно кто-то был. Мне оставалось лишь метнуться в узкое пространство между гардеробом и балконом, прикрыться занавеской и замереть. Представить страшно, какой скандал разгорится, если меня найдут ночью в чужом номере, рядом с его крепко спящей хозяйкой!

Не могу сказать, сколько времени мне пришлось провести, уткнувшись в бархатную гардину. Высунуться из-за нее я побоялась, поэтому оценивать происходящее могла лишь по звукам, а они были широко представлены. Скрип, кряхтенье, шмыганье носом, шуршание, звук шагов, почему-то сопровождавшийся попискиванием, чавканье, потом вдруг скрежет и резкий щелчок.

Рано или поздно все заканчивается. В спальне воцарилась тишина. Я с опаской высунула наружу нос и убедилась, что шикарный номер пуст, а Нина... исчезла. Одеяла и подушки с кровати были сброшены, с тумбочки скинули книгу, очки и будильник, халат и ночная рубашка валялись на полу. Зачем унесли крепко спящую даму? Или она ушла сама? И кто устроил беспорядок? Что тут случилось? Ну почему я побоялась подглядеть за происходящим!

В балконную дверь постучали, я подпрыгнула от неожиданности и увидела с той стороны стекла озадаченное лицо Максима, он пытался войти в номер. Кое-как, знаками, я сумела объяснить, что дверь не откроется, и снова уставилась на кровать.

Не прошло и двух минут, как из холла донесся скрип. Одним прыжком я очутилась за шкафом и замоталась в занавеску.

– Эй, – прошептал знакомый баритон, – Торшерина, ты где?

Я выскользнула из укрытия.

– Если ты вознамерился на спор переспать с женщиной, выучи хотя бы ее имя. Меня зовут Лампа.

– Я глупо пошутил! А ты, как обычно, надулась, – не смутился Максим, – чего здесь застряла?

– Странно, однако, – пробормотала я.

– Что? Номер как номер, твой шикарней.

– У балконной двери нет ручки!

– Подумаешь, может, она отвалилась, – пожал плечами Казанова.

– И Нина Пронькина не потребовала ее починить?

– Может, ей не хотелось вылезать на лоджию, – выдвинул версию мой нежеланный кавалер, – люди в возрасте боятся простудиться. Вероятно, старуха и не заметила отсутствия ручки.

– Ошибаешься! – воскликнула я. – Вон на подоконнике лежат большие кусачки для ногтей. Такими педикюрщицы пользуются. С какой радости их положили в столь неподходящее место?

– Да просто швырнули! – не растерялся Максим.

Я взяла щипчики, зажала лезвиями небольшой штырек, торчащий из стеклопакета, и безо всяких усилий его повернула.

– У нас когда-то тоже сломалась ручка на балконе, и я точь-в-точь такими же приспособлениями навострилась открывать дверь на лоджию. Смотри, как просто! Попадись мне кусачки на глаза раньше, я уже бы вернулась в свой номер!

– Подумаешь, – пожал плечами Макс, – предприимчивая старушка не стала устраивать аутодафе хозяевам, решила проблему своими силами. Кстати, выйти можно и через так называемый главный вход, дверь в коридор не заперта.

– Нет, – не согласилась я, – Нину ограничили в контактах, пытались помешать ей ходить без сопровождающих. Не удивлюсь, если доченьки запирали маму снаружи и они же задраили балкончик. А про дверь из номера я не подумала, странно, что ее просто прикрыли.

– Вот суки! – воскликнул Максим. – А с виду милые и интеллигентные девицы. Может, они садистки?

– Меня больше интересует, кто и почему похитил Пронькину, – пробормотала я.

– Моя бабка страдала бессонницей, она по ночам гуляла по улице! Нина вернется, увидит нас и устроит бучу! Лучше пошли отсюда! Где твой чемодан-самоход? – занервничал Максим.

– Погоди-ка, – остановила я торопыгу, – видишь?

Глава 8

– Что? – спросил Максим.

– В стакане, на тумбочке!

– Фу! Ну и гадость! Какая дрянь! Зачем мне показала? – зашипел нахал. – Что это вообще такое?

– Бюгель, съемные зубы на крючках.

– Сейчас все имплантаты ставят, – безапелляционно заявил Максим.

– Вовсе нет, большинство пенсионеров предпочитают проверенную десятилетиями конструкцию. Нину похитили! И как теперь нам поступить? – задергалась я.

– Иди спать, хорош изображать служебно-розыскную собаку, – посоветовал Максим. – Не читай детективы, не пялься в телик, и мания преследования сама собой пройдет.

Я еще раз осмотрела номер.

– У кровати остались тапочки, на полу валяются халат, очки, упаковка нитроглицерина, в стакане остался бюгель. Нина не могла по доброй воле покинуть комнату, она следит за собой и не рискнет показаться вне стен своей спальни без зубных протезов. Ладно, пошли! Но дверь на лоджию надо оставить в том положении, в каком она была до моего прихода.

Я зафиксировала балконную дверь штырьком, выбралась на лоджию и свистнула:

– Робби, за мной!

Чемодан, стоявший у стены, послушно покатился следом.

– Где ты раздобыла такой прикол? – восхитился Максим, тащившийся сзади. – Никогда не видел ничего подобного!

– Вовка подарил, – думая о Нине, ответила я.

– Ху из Вовка? У меня есть конкурент? – скорчил недовольную мину Максим, когда мы очутились в моей спальне.

Я подтолкнула гостя к выходу.

– Вовка – мой брат, – зачем-то соврала я. – А теперь до свидания.

Но не тут-то было. Максим извернулся и сел в кресло.

– Если Нину похитили, каков был план злоумышленников?

– Надо сейчас же разбудить ее дочерей и зятя!

Максим возразил:

– Не гони лошадей. Родственники спросят: «Какого хрена ты, тетя, делала в маманькином номере?»

– Я честно расскажу про чемодан!

– Подожди до утра, – зевнул Максим.

– Чтобы дать преступнику время получше запрятать Нину? – повысила я голос.

– Никуда она не денется, небось гуляет по территории лечебницы, – еле слышно отозвался Максим и вытянулся на диване. – Спокойной ночи, малыши, Максик хочет баиньки! Старуха просто оторва, потому ее и запирают.

Я пнула нахала под ребра:

– Не спать!

Он сел.

– Вау! В твоей семье были надсмотрщики с плантаций? Характерный приемчик.

Я отняла у Максима подушку.

– Дрыхнуть отправляйся в свой номер. А почему ты уверен, что Нина – «оторва»?

Максим опять принял лежачее положение. Вместо подушки он беззастенчиво использовал мою кашемировую кофту, висевшую на спинке дивана. Я мерзлячка, даже жарким летом люблю вечером накинуть свитерок.

– Вспомни, за что тебя сюда сослали, и поймешь, – протянул Максим.

Я снова толкнула наглеца.

– Сослали? Я сама приехала! Племянники мне путевку подарили!

Максим приоткрыл один глаз.

– Сознавайся, котя! Ты пьешь? Колешься? Нюхаешь? Жуешь? Или мы, усенька-пусенька, клептоманки, истерички? Нет? Лесбиянки?

Я возмутилась:

– Что за чушь ты несешь? Я приехала отдохнуть, пройти курс процедур.

Максим сел, потянулся, потер лицо ладонями и хмыкнул:

– Процедуры? Твоя наивность зашкаливает. Эта лечебница специализируется на детоксе. Бабке отсюда не сбежать, увезти ее тайком нет шансов.

– Детокс? – растерянно повторила я.

– Люся, ну, та, что орала, увидев муляж таракана, хроническая алкоголичка, муж ее сюда возит на реабилитацию. Остальные ей под стать. За ворота лечебницы выйти можно только днем, ночью территорию охраняют лучше Алмазного фонда, мышь не прошмыгнет! Если ты поселил под крышей наркош и забулдыг, держи их под строгим присмотром, в особенности после отбоя, – шептал незваный гость.

Я с сомнением покосилась на Максима. Если, по его словам, сюда даже муха непроверенной не пролетит, то каким образом дедуля с внучкой и артритом смог беспрепятственно пробраться к бальнеологической лечебнице? Но рассказывать о дурацком происшествии Максиму нельзя.

Безобразник опустил веки.

– Не стесняйся своих слабостей, сейчас все на стимуляторах сидят.

Я топнула ногой:

– Я приехала сюда отдохнуть!

– В самую крутую детокс-клинику? Котик, не лицемерь! – гадко ухмыльнулся негодяй.

Я решила дать ему ответный бой:

– А ты здесь из-за героина? Или нюхаешь клей?

– Из-за разнузданного сексуального поведения, – еле слышно пробормотал Макс, – меня предки сюда отправили, их восемьдесят второй внебрачный внучок доконал.

Я дернула его за руку:

– Уходи!

Против ожидания Максим не стал спорить. Он быстро поднялся и, послав мне воздушный поцелуй, отправился восвояси.

Утром, около восьми, настойчиво зазвонил местный телефон, я, не открывая глаз, нашарила трубку.

– Евлампочка Андреевна, вас Маргоша беспокоит, – запел женский голос. – Не желаете на уникальную процедурку? Есть свободное время. Как раз до завтрака успеете! Станете похожи на наливное яблочко.

Спать мне хотелось отчаянно, но ради красоты можно и пострадать.

– Иду, – пообещала я и заставила себя встать.

Надеюсь, волшебная процедура будет проводиться в тщательно закрытом помещении, без окон и при полном отсутствии посторонних.

Мои ожидания оправдались. Маргоша отвела меня на минус первый этаж и поставила перед агрегатом, сильно смахивающим на гигантскую мыльницу с отверстиями по бокам.

– Синхрофазотронный коллапс, – гордо объявила медсестра, – стоит миллион евро, в стране он в единственном экземпляре.

Я отступила на шаг, наличие в названии агрегата слова «коллапс» меня насторожило.

– А как он действует?

– Проще веника, – оживилась Маргоша, – залезаете внутрь, кисти рук, ступни ног и голова остаются снаружи, для них дырочки сделаны. Я нажимаю вон ту кнопочку – и пошла плясать карусель.

– Это не опасно? – засомневалась я.

– Не-а, это же оборудование для косметологов, а им невыгодно пациенту вредить, надо, чтобы человек постоянно ходил и деньги на свою красоту тратил, – успокоила меня Маргоша. – Никто не жаловался, а народ тут капризный! На коллапс очередь стоит, Алла Михална на него только постоянных пациентов записывает, но я вам время нашла за вашу доброту! Как господь учит? Сделали тебе приятное – воздай сторицей! Вам повезло, что Пронькина заболела! Ой, как нехорошо я сказала!

Я навострила уши.

– Лида или Соня простудились?

– Нет, сама Нина слегла, – объяснила Маргоша, – у нее сердце плохое, говорят, рано утром приезжала «Скорая» и забрала ее.

– Куда?

– В больницу, конечно.

– В какую? – не успокаивалась я.

– Мне любопытничать нельзя, да и не очень интересно. Они люди богатые, нашли небось крутого кардиолога, – частила Маргоша. – Евлампочка Андреевна, лезьте в коллапс.

Пришлось подчиниться. Медсестра опустила крышку.

– Удобно?

– Мягко, – одобрила я.

– Начнем с малой скорости, – предупредила она, – не бойтесь, потрясет чуток.

«Мыльница» завибрировала.

– Ай, – взвизгнула я, – щиплется!

– Синхрофазотронные коллапсы активировались, – с видом академика кивнула Маргоша, – потерпите, они от вашего организма свободные радикалы отщипывают, целлюлит утюжат, возвращают юность волосам, зубам, ногтям.

Аппарат затрясло сильнее. Я хотела спросить, каким образом аппарат воздействует на части тела, находящиеся вне устройства, но тут Маргоша объявила:

– Вторая скорость. Слышали про Надю?

Щипки усилились, снизу, из дна капсулы, попеременно выскакивали тупые иглы и весьма ощутимо тыкались в мою спину, филейную часть и ноги.

– Надька моя сменщица, – продолжала Маргоша, – помните, я вчера жаловалась, что она не пришла? Третья скорость.

По моему животу начал кататься футбольный мяч, в бока будто вцепилось стадо бешеных кошек.

– Да, – с трудом выдавила я из себя.

– Убили ее! – в полном восторге от того, что сообщает столь замечательную новость, взвизгнула медсестра.

Я забыла о телесных неудобствах.

– Как?

– Говорят, наркоманы в ее избу залезли, – сказала Маргоша, – телик сперли, колечки, хурду-бурду всякую, а Надьку сильно поколотили, изуродовали всю. Во! Четвертая скорость.

Аппарат начал медленно вращаться, из моей головы вымело все мысли.

– Караул, падаю! – взвизгнула я.

– Спокойствие, только спокойствие, – медсестра процитировала Карлсона, который живет на крыше, – все по плану, ситуация под контролем. Коллапс перешел в стадию активного расщепления мезотропов.

«Мыльницу» заколотило, словно больного малярией, из ее стен повываливались каменные скалки и железные молотки, от моих щиколоток до талии стал ездить асфальтоукладчик, а верхнюю часть тела будто стегало крапивой. Конструкция медленно вращалась вокруг своей оси, меня замутило, но сил попросить Маргошу прекратить процедуру не нашлось. Из горла вырвался писк:

– И-и-и!

– Отличная вещь! – гаркнула медсестра, перекрывая вой и скрежет. – Омолаживает! Ощущаете?

Аппарат перевернулся, я сумела справиться с тошнотой и заорала что есть мочи:

– Спасите! Убивают!

Пластиковая западня резко затормозила и мгновенно открылась, я выпала на пол.

– Господи! – перепугалась Маргоша, кидаясь ко мне. – Простите, если сможете! Автоматизм сработал! Если кто-то вопит, я сразу жму на аварийную кнопку! Не ушиблись? Евлампочка Андреевна, как дела?

– Полный коллапс, – дрожащим голосом произнесла я и сделала попытку встать на четвереньки.

– Говорила же! – обрадовалась Маргоша. – Все клиенты в экстазе. Вениамин Михайлович Горелов утверждает, что коллапс враз вылечивает от похмелья, он потом себя ощущает как будто заново родившимся. Что чувствуете? Опишите!

– Наиболее подходящее сравнение – кошка, попавшая в бетономешалку, – прошептала я.

– Улет, – захлопала в ладоши медсестра, – теперь вам надо отдохнуть. Я вас чайком побалую, так полагается. Если ножки дрожат, ползите на карачках, тут недалеко. Ну… правая коленочка, левый локоток, теперь меняем!

Я потрясла головой. Услышав, как полушария мозга гремят под черепом, словно в скорлупе грецкого ореха, я попыталась понять, где у меня «правая коленочка, левый локоток», запуталась, вытянула вперед одновременно обе руки и тюкнулась носом в ковер.

– Здорово вас синхрофазотнуло, – задумчиво изрекла Маргоша, – сейчас «Бентли» подам!

Я приподняла голову и поняла, что испытывает воздушный шарик, наполненный гелием. Если цель коллапса – превратить человека в неспособное мыслить существо, то она достигнута. Интересно, в какой стадии опьянения приходит на сеанс незнакомый мне Вениамин Горелов, если он потом ощущает себя новым человеком?

– Ну е-мое! «Бентли» пропал, – сокрушалась Маргоша, вновь появляясь в зоне видимости, – кто его взять мог?

– Неужели автомобиль заезжал по такой узкой лестнице в подвал? – прокашляла я и умудрилась сесть.

Маргоша весело засмеялась.

– «Бентли» – инвалидная коляска, очень хорошая, она складывается, ее легко нести, но… ее нет на месте. Иной раз человека коллапс так уконтрапупит, что его в комнату отдыха везти надо. Вот как вас, например. А наш клиент Геннадий Фролыч Раков кресло на колесах автоэмблемой украсил, приделал сзади к спинке и давай смеяться: «Негоже мне, Маргоша, на отстойном рыдване разъезжать, не по статусу. А теперь все путем, на «Бентли» рулю». Ну и все клиенты тоже хохмить начали! Евлампочка Андреевна, лапочка, вы же не расскажете Алле Михалне, что я вас мордой, ой, простите, мордочкой об пол вытряхнула?

– Нет, – пообещала я, встала и, держась за стенку, пошла пить чай. – Но с одним условием.

– Для вас сделаю что угодно! Хотите процедуру на коллапсе повторить? – замела хвостом Маргоша, усаживая меня за стол.

Я содрогнулась.

– Нет, спасибо, просто ответьте мне на пару вопросов.

Медсестра включила чайник.

– О чем?

Я постаралась изобразить очаровательную улыбку.

– Собираюсь начать в особняке ремонт, надеюсь месяца через четыре успеть обновить дом. Но жить среди ведер с краской и мешков с цементом не хочу. Снять временное жилье сложно, хозяева заинтересованы сдавать его не менее чем на год. Вот я и подумала: может, тут поселиться?

– Чудесная идея, – одобрила медсестра, звеня чашками, – Пронькины, например, так и поступили, они раньше отдыхать приезжали, а сейчас ну прямо как вы придумали.

– Вроде неплохой план, – продолжала я, – но есть сомнения. Вчера я случайно выяснила, что здесь лечат хронических алкоголиков и наркоманов. А еще вашу сменщицу убили. Тоже мне тихое место! И Нине Пронькиной с сердцем плохо стало. Вероятно, не стоит с «Виллой Белла» связываться, аура здесь подпорченная.

Маргоша наполнила красивые фарфоровые бокалы крепким чаем, в воздухе приятно запахло мятой.

– Правильно делаете, что посоветоваться решили, я тут с первого дня, а в Ларюхине всю жизнь. С шестнадцати лет в районной больнице пахала, вставала в четыре утра, в любую погоду пехом до электрички перла. Мрак! Я Алле

Михалне ноги за то, что взяла меня сюда, целовать готова, но вам правду скажу.

Я отхлебнула чай. Что ж, послушаем арию самозабвенной сплетницы.

Максим не соврал, в «Вилле Белла» проводили оздоровительные процедуры с любителями выпивки и фанатами наркотиков. Естественно, имена тех, кто прибыл избавляться от постыдной зависимости, не афишировали, а сами больные бойко врали другим постояльцам о синдроме хронической усталости и желании омолодиться. Да только постоянные клиенты все друг про друга знали.

– Люся Суворова, – азартно делилась врачебной тайной Маргоша, – вы ее видели небось. Бриллианты размером с банку шпрот повсюду торчат. Вот она бухальщица. Виктор Семеныч ее сюда, как на работу, четыре раза в год доставляет. Кстати, не знаете, как ласкательно Виктора кликать? Жена его «Витя» зовет, а я думаю, это неправильно. Витя от Виталия, а от Виктора-то как? Вик? Никита Седых на таблетках сидит, лопает их, как конфетки, намешает коктейль и в рот. Наркоманом себя он не считает, потому что затаривается не у дилера, а в обычной аптеке. Наберет лекарств от давления, кашля, температуры, ангины и пригоршней – ам!

– Так и умереть недолго, – заметила я.

Маргоша развернула шоколадку.

– Свою голову им не приставишь. Детоксники не шумят, беспокойства от них нет, приезжают сюда на три недели, и гуд-бай, до новых встреч. Вы с ними лишь в ресторане столкнетесь, да и то не со всеми, они в номерах едят. А большая часть пациентов просто хочет вес скинуть, морщины разгладить. Вот вы, например, после коллапса себя не узнаете, эффект уже к ужину проявится.

Я осторожно пошевелила отчаянно ноющими ногами и продолжила допрос:

– Надеюсь, вы правы и в санатории царит порядок, но, похоже, тут нет хороших врачей! Почему Нину Пронькину увезли?

– У нее стенокардия, – пояснила Маргоша, – грудная жаба, без нитроглицерина она и шагу не ступит, постоянно склянку при себе таскает. Она мне

рассказывала, что болезнь в один день пришла: как узнала Нина о смерти мужа, так здоровье и потеряла. Любовь! А врачей здесь полно!

– Но Нину почему-то отправили в стационар! Чем местные доктора занимаются? – прикинулась я идиоткой.

– У нас для сердечников не приспособлено, лечим грязью, кислородом, диетой, а серьезные проблемы – не наш профиль. Вот с псориазом добро пожаловать, кожу очистим в два счета! – пообещала Маргоша.

– Теперь о Наде. В Ларюхине криминальная обстановка, опасно жить рядом с бандитским местечком!

– Пьет народ, – пригорюнилась Маргоша, – подраться мужики любят, да и бабы хороши. В мае Лариска Захарова Надьке про факира чего-то сказала, и пошли у них клочки по закоулочкам.

Ломота в теле мигом прошла.

– Надя – это такая высокая, крупная, даже полная женщина, волосы рыжие, выкрашенные хной, коротко стриженные?

– Ой, точнехонько ее описали, – восхитилась Маргоша, – вы разве знакомы?

Я прикусила губу. Нет, я никогда не общалась с Надеждой, просто видела, как та с криком: «Ты убила факира», – налетела на Нину Пронькину.

А теперь вдова исчезла, оставив всю одежду, вставные зубы и жизненно необходимое лекарство, а Надю убили грабители. Странное совпадение. Надеюсь, я сумею вытянуть из Маргоши, кто такой этот факир?

Глава 9

– Надьке постоянно не везло, – не получив ответа на вопрос о моем знакомстве со своей коллегой, понеслась дальше Маргоша, – то куры у нее передохнут, то муж под электричку попадет.

Я с изумлением посмотрела на медсестру, уравнявшую умерших несушек с погибшим человеком, а та самозабвенно отдалась любимому хобби – перемыванию косточек знакомым. За короткое время я узнала о несчастной Наде всю подноготную и пожалела бедняжку. Похоже, когда другие стояли в очереди за счастьем, Надюша толкалась за трудолюбием и не успела получить даже крохотного кулечка с удачей.

Надя всю жизнь провела в Ларюхине, даже в недалекую Москву она выезжала считаные разы. Да и зачем ей было кататься в столицу? Школу Надежда Рязанцева окончила сельскую, поступила в медицинское училище, находящееся в соседнем городке Еланске, а потом отправилась на работу в местную больницу. Маргоша знала Надю с детства, они вместе ездили на автобусе в школу, потом учились делать уколы и служили в хирургическом отделении. Именно Маргоша привела Надежду в «Виллу Белла», когда Алла Михайловна уволила одну из медсестер.

– Пожалела я Надьку, несчастная она, – тарахтела Маргоша, – муж ей достался ленивый, в клубе на гардеробе сидел. Здоровская служба для молодого парня, да? С апреля по октябрь работы нет, зарплаты тоже, а осенью и зимой он пальто выдавал. Думаете, Генка по хозяйству старался? Огород копал, полол, за скотиной смотрел? Как бы не так! Надежда на сутки уйдет, муженек на софу в терраске ляжет и давай книги читать! Два раза в неделю, как на работу, в Еланск мотался, в библиотеку. Жена усталая из больницы припрется, не знает, за что хвататься, посуды грязной гора, в доме раскардаш, ведра для воды пустые. И зачем такой мужик нужен? От кота и то больше пользы, он хоть мышей ловит!

Я постаралась не засмеяться. Интересно, какое количество российских женщин согласилось бы поменять никчемного супруга на ласковое домашнее животное? И почему многие бабы, выбиваясь из сил, тащат на горбу бездельников, алкоголиков, грубиянов и прочий сброд, отчего не хотят сбросить тяжкий груз и попытаться найти свое счастье?

Маргоша оказалась объективной, для описания супруга Нади нашла не только черную краску. Геннадия никто ни разу не видел пьяным, рук он не распускал, и

женское население Ларюхина не скрывало зависти к Рязанцевой.

– Мой тоже палец о палец не ударит, – горько говорила Олеся Капустина, ближайшая соседка Нади, – только жрет в три горла, да еще и пьет. Не дашь ему денег на бутылку, хватается за ремень. Пусть уж лучше, как у Надьки: лежит, книги читает, но трезвый.

В отличие от большинства женщин Надя не любила обсуждать свои дела с подругами. Но Маргоша, чей дом стоял впритык к сараю Рязанцевых, часто видела, как та плачет на завалинке.

Несколько лет назад Геннадий попал под электричку. Свидетели происшествия рассказывали, что он стоял на платформе слишком близко к краю, читал книгу, и его снесло воздушной волной на рельсы. Надя похоронила мужа и совсем замкнулась, никаких сплетен о вдове не ходило. Рязанцева ездила в Еланск, посещала там церковь, убирала могилу Гены и работала. Даже к приятельницам на дни рождения не ходила. Представляете, как изумилась Маргоша, когда к ней принеслась Олеся Капустина и жарко зашептала:

– Марго! Держись за стену! У Надьки мужик поселился!

– Брехня, – отмахнулась Маргарита.

– Ты слева от нее живешь, а я справа, у меня весь участок Рязанцевой на виду. Он вчера из бани в дом шел, в одних трусах! – выпалила Олеся. – И где Надька его откопала?

Откуда в Ларюхине появился Леонид со странной фамилией Факир, не знал никто. Мужчина словно телепортировался из параллельной реальности. Через месяц после того, как по Ларюхину зазмеились сплетни, Рязанцева неожиданно закатила первый раз в жизни день рождения, созвала всю улицу и продемонстрировала своего кавалера, сказав:

– Это мой муж Леонид.

Бабы ахнули, мужики переглянулись, а Леня быстро разлил по рюмкам водку. К концу праздника Маргошу обуяла простая человеческая зависть. Может,

Надьке и не особенно везет, вот детей у нее не получается, зато мужья подбираются непьющие. Факир щедро угощал народ, сам лихо поднимал стопки, но оставался на удивление трезвым. Маргарита начала следить за супругом Нади и приметила, что тот плескает себе из особой бутылки, стоящей на буфете. Маргоша улучила момент и понюхала содержимое «пузыря» – спиртным из горлышка не пахло, Леонид с кряканьем глотал обычную воду.

Чем дольше Надя жила с новым мужем, тем сильнее удивлялась Маргарита. Леонид не ходил на службу, он, как и Гена, предпочитал валяться на диване, правда, не читал, а смотрел телик. Как и первый супруг Рязанцевой, Факир не помогал ей в хозяйстве, но у Нади появились деньги.

О том, что соседка обрела материальное благополучие, Маргарита сообразила раньше всех. Медсестре понадобилось съездить к брату в Пермь, и она спросила Надю:

– Заменишь меня?

Услышав такую просьбу раньше, Рязанцева кивала:

– Да, конечно, лишние деньги мне не помешают, – но теперь капризно поджала губы и нехотя процедила:

– А у меня есть шанс сказать «нет»? Алла Михайловна, если ты усвистишь, все равно заставит меня твою смену на процедурах стоять! Клиентов много, Фаина в отпуске, а Илья заболел.

– Не задаром же! – напомнила Маргоша. – Ты получишь мои бабки.

– Всех денег не заработаешь, – легкомысленно отмахнулась Рязанцева.

У Маргоши словно с глаз пелена упала. Когда живешь с кем-то бок о бок с младенчества, волей-неволей знаешь обстановку чужого дома, как свою. Маргоша бесчисленное количество раз сиживала на кухне у Нади и давно не разглядывала интерьер. Но сейчас она обежала взором помещение и отметила: новый электрочайник, СВЧ-печь, красивая клеенка, недавно купленные занавески…

– Ты и шкафчики сменила! – не выдержала Маргоша. – Когда только успела! Я не видела, чтобы машина с мебелью приезжала!

– Это Леня постарался, – после небольшого колебания ответила Надя. – Он военный, всю жизнь служил в секретной части на Севере, денег заработал, пенсию хорошую. А жениться не смог, куковал в гарнизоне, там свободных женщин не было. Теперь наш дом обустраивает. Мне больше нет необходимости лишние дежурства набирать, хочу вообще уволиться, семьей заняться.

Маргоша едва не подавилась чаем, а Надя мечтательно протянула:

– Мы, наверное, участок с избой сдадим хорошим людям, а сами уедем к морю, купим там дом и заживем с Леней тихо. Хватит, погорбатились оба на чужого дядю.

Маргарита поставила чашку на блюдце, она звякнула, Надя вздрогнула и торопливо стала опровергать свои же слова:

– Не слушай меня! Размечталась, как малолетка! Можно подумать, нас ждут в теплых краях. И где деньги взять?

Вот только Рязанцева зря старалась, Маргоша уже поняла: Леонид – богатый человек.

Медсестра взяла заварочный чайник и наклонила его над чашкой. Я решила стимулировать сплетницу на продолжение беседы.

– Странно, что вы назвали Надю невезучей! Ей достался после Гены отличный спутник жизни, появилась перспектива переехать в теплые края.

Маргарита достала из сахарницы кусочек рафинада.

– Ничего-то у нее не получилось! Факир исчез.

Я удивилась:

– Куда?

Маргоша зазвенела ложечкой о стенки чашки.

– Испарился. Я уехала отдыхать на Бали – он на Надиной веранде лежал, вернулась – нет его.

– А дальше что?

Сплетница развела руками:

– Конец мечтам. Надька осталась в Ларюхине, Факир ее бросил.

– Это она так сказала? – уточнила я.

– Я сама догадалась, – ухмыльнулась Маргарита. – Надюха, когда Леонид с ней жил, веселая ходила! Я ее такой даже в детстве не помню! Не ходила даже, а летала, песни пела. Вот только ревновала его! На всех коршуном кидалась, за мужиком следила!

Медсестра подцепила с тарелочки кружок лимона.

– Жалко мне ее! В личной жизни Надьке не везло. Бедная, и еще умерла не своей смертью! Ее здесь, в клинике, все любили, хоть та же Люся! В этот раз она, как приехала, пришла сюда и с порога спрашивает: «Маргоша, а Надя работает, не уволилась? Хочу к ней на процедуру записаться».

Мне обидно стало, я не хуже обертывание делаю, Люся раньше к нам обеим ходила.

– И что ты ответила? – спросила я.

– Правду! «Надя работала двое суток подряд, я ездила в Москву по делам. Теперь мой черед. Если хотите, приходите в четверг». Люся заулыбалась: «Маргошечка, не пыли, я всего-то хотела к Наде разок заглянуть. Ты лучше всех грязь накладываешь!» Еще чайку вскипятить?

– Нет, спасибо, – отказалась я, – как пройти в Ларюхино? От скуки прошвырнусь по магазинам.

– Их всего три. Супермаркет, универмаг и хозяйственный, ничем хорошим там не торгуют, – попыталась остановить меня Маргарита, – и жарко становится, солнце палит, как в Африке.

Я встала.

– Все же загляну в Ларюхино, надеюсь, не потеряюсь по дороге.

– Запутаться трудно, выйдете из центральных ворот и налево, а еще можно через лесок двинуть, – объяснила медсестра.

Я поблагодарила Маргошу, дошла до порога и обернулась.

– Скажите, а правда, что по ночам отсюда никого не выпускают? Кругом запоры, охрана, камеры, даже мышь незамеченной не проскочит?

Маргарита отвела глаза.

– А вам зачем?

Мне пришлось изобразить смущение.

– Понимаете... у меня есть мужчина... мы не имеем возможности встречаться открыто...

Маргоша закивала.

– Он семейный?

– Да! Не осуждайте нас.

– Я сама путалась с женатиком. Пустая трата времени, – горько призналась медсестра.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

См. книгу Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника», издательство «Эксмо».

2

Моя дорогая, я тебя люблю!

3

Рубашка с широким, отложным воротником без верхней пуговицы.

Купить: https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/imperator-derevni-gadyukino

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить